

ШУРАВИ СОВЕТСКИЕ

Записи военного контрразведчика

Николай Акимович Дуюнов

Николай Акимович Дуюнов
Шурави советские. Записи
военного контрразведчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42309294

ISBN 9785449663504

Аннотация

Книга о работе сотрудников военной контрразведки во время войны в Афганистане, о малоизвестных и ранее не публиковавшихся формах и методах работы наследников легендарного СМЕРШа.

Содержание

Кабул – Фрунзе – Москва	5
Начало	14
Кундуз	33
Баграм	74
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Шурави советские Записи военного контрразведчика

Николай Акимович Дуюнов

Корректор Юрий Кудряшов

© Николай Акимович Дуюнов, 2019

ISBN 978-5-4496-6350-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кабул – Фрунзе – Москва 1986 год

Прошло очень много времени с тех пор, как закончилась война в Афганистане, но до сих пор ничего вразумительно-го, я имею в виду о деятельности органов военной контрразведки, сказано не было.

Конечно, я не занимал стратегических должностей, с высот которых можно оценивать ситуацию в Афганистане, но деятельность после возвращения оттуда дает возможность высказать оценку тому, чем занимались я и мои коллеги в течение долгих десяти лет.

Давно нет КГБ СССР, нет и самого СССР, но ведь осталась та 40-я армия оперработников, которая находилась рядом с теми всему миру известными Героями Советского Союза, которые ковали славу вооруженных сил и ни дня не могли прожить как без информации из особых отделов, так и без того, чтобы не обмениваться информацией о делах в своих подразделениях.

После вывода войск из Афганистана, да и до вывода, многие из тех, кто вкусил реальной контрразведывательной деятельности, кто разрабатывал, арестовывал и внедрял в бандформирования агентуру, чья своевременная информация спасла не одну тысячу жизней наших солдат и офицеров –

просто стали такой обузой для паркетных начальников, что от них в первую очередь стали избавляться под любыми предложениями. Не продвигали по службе. Отправляли в такие воинские части, где приобретенный боевой опыт не требовался, да и часто просто подальше с глаз.

Не минула чаша сия и вашего покорного слугу. Убрали и меня. А разбираться предоставили потом и только посредством переписки. Но до Москвы – четыре тысячи километров и инстанции, инстанции, инстанции. Доходили ли мои рапорты до тех, кому писались – неизвестно, отписки были стандартные – «оснований для пересмотра решения нет». Было мне в ту пору 37 лет, энергии хоть отбавляй, да и жизнь кипела вокруг на удивление интересная, и однажды я подумал: чего я на них надеюсь? Не нужны им ни опыт, ни энергия, пауки они ночные, ведь тогда им места не будет в созданной системе, где нет чужих, только свои – такие же, как они, пауки. И надо держаться от них подальше, но ближе к тем простым людям, которые кругом и рядом. И пошел я в народ.

В городе Фрунзе, столице Киргизской ССР, где мне выделили квартиру, жил своей жизнью Особый отдел 17-го армейского корпуса, где служили мои друзья по Афганистану, которые меня хорошо знали и с которыми я стоптал не одну пару башмаков. Они же и помогли мне трудоустроиться. На завод «Физприборы», где я прошел, как модно тогда было говорить, путь от слесаря-сборщика, то есть рабочего, до начальника режимно-секретного отдела, то есть снова сотруд-

ника КГБ, но теперь Киргизии.

Шел 1983 год, до вывода войск было еще далеко, дети – Саша и Леша – были еще маленькие, и надо было жить.

На заводе подивились тому, что в рабочие пришел человек с двумя высшими образованиями, это был октябрь, но еще больше они удивились на демонстрации 7 ноября, когда увидели боевые награды – медаль «За боевые заслуги», орден Красной Звезды, а также девять медалей СССР. У директора завода, человека заслуженного, было четыре награды.

Мне присвоили квалификацию – слесарь-сборщик четвертого разряда. Все-таки, закончив Оренбургское зенитно-артиллерийское училище, я получил специальность инженера-электрика. Проработал я пять месяцев, и потом меня директор все-таки сломал. Вызывали в отдел кадров почти каждый день и нажимали на то, что с кадрами всегда проблема, их надо тщательно подбирать, готовить, продвигать, а тут готовый кадр и не хочет на руководящую работу. Это, считал директор, ненормально. Но мои слова о том, что я не знаю производства, да и просто жизни гражданской, в расчет не брались. Надо, и все.

Виктор Иванович Угаров был мудрым человеком и видел людей насквозь, двигал молодых и энергичных на руководящие должности и редко ошибался. Двинул он и меня.

Я даже предположить не мог, как это непросто – руководить гражданскими. Это же не армия, где приказал, а по-

том проверять исполнение, здесь психологом надо быть. Пришлось быть. Скажу кратко: началось прохождение другой академии – академии реальной гражданской жизни. И думаю, я ее успешно закончил.

В 1986 году на Конференции воинов-интернационалистов Киргизской ССР (а их, по данным Республиканского военного комиссариата, на тот момент уже было более четырех тысяч) меня выбрали командиром Республиканского военно-патриотического объединения «Родина». После вывода войск из Афганистана, в 1989 году, мы провели сверку всех тех, кто прошел войну, и цифры показали, что кыргызстанцев там побывало свыше 15 000 человек. Раненых было свыше 3 000 человек, инвалидов – более 300 человек, погибло 247 солдат, прапорщиков и офицеров, из них 212 русскоязычных, то есть православных, и 35 мусульман.

Это соотношение, когда оно мной было озвучено на очередной конференции, резко изменило отношение ко мне со стороны власть предержащих и повлияло на судьбу всего «афганского движения» в республике. Я был членом Президентского совета, членом бюро ЦК ЛКСМ Киргизии, членом президиума Совета ветеранов войны и так далее и тому подобное. Но после подведения «итогов» войны в Афганистане в 1991 году я на себе почувствовал, что такое не быть киргизом, хотя, для справки, родился и вырос я в родной Киргизии и отца моего звали Аким, в переводе с киргизского – «глава, руководитель». Не помогло.

Сначала поступило предложение перейти на работу в Административный отдел ЦК Компартии Киргизии, а после путча и низвержения Компартии в 1991 году мы остались один на один со своими проблемами, и с этого момента начался массовый отток русскоязычного населения в другие республики, в том числе и в Россию. Не получая поддержки со стороны властей, мы стали устанавливать контакты с «афганцами» России, получая от них реальную поддержку и помощь – в лечении раненых и инвалидов, в реабилитации семей погибших как в России, так и за границей.

Союз ветеранов Афганистана в России возглавлял молодой и энергичный офицер Котенев Александр Александрович, обладающий высокими морально-волевыми качествами, эрудицией и необыкновенным притягательным характером. Он собрал вокруг себя фанатов, готовых трудиться день и ночь во благо боевых друзей. Свежа была еще рана и память о друзьях, оставшихся на горных дорогах Афганистана, кричавших от боли в госпиталях, о слезах матерей, жен и детей, оплакивающих гибель сынов, мужей, отцов.

Котенев А. А. сумел объединить «афганцев» всех союзных республик. Создал работоспособные общественные организации, выходящие прямо на властные структуры и реально решающие проблемы конкретных людей. Он пошел дальше и обязал всех руководителей республиканских, областных, краевых и городских организаций заняться бизнесом и самим решать финансовые проблемы своих «аф-

ганцев». Большинство руководителей «афганского движения» энергично взялись за дело и вскоре успешно решали все проблемы своих организаций. Я не оговорился, именно большинство, но ведь было и меньшинство, которое хлебом не корми, а помощи, поддержки и снова помощи.

Мы не относились к меньшинству и сами организовали Киргизское республиканское отделение Союза ветеранов Афганистана, выйдя из состава Республиканского объединения «Родина», входящего в состав ЦК ЛКСМ Киргизии, что, в свою очередь, принесло мне очередную порцию неприятностей по линии общения с лидерами Киргизии, которые даже и подумать не могли о том, что кто-то может жить, не завися от них. Тем более в мусульманском государстве, где все зависят от кого-нибудь. Это надо просто знать и понимать. Это уклад жизни, сложившийся веками, и никакая советская власть здесь ни при чем, она не смогла сломать ни их веру, ни почитание старших, ни убежденность в том, что более богатые и удачливые обязаны кормить и поить их убогих. Это и убежденность в том, что если не дают, то надо отнять. Я не шовинист и с большим уважением отношусь к прагматичному и трудолюбивому узбекскому народу, который живет здесь же, в Киргизии, абсолютно отличаясь и по менталитету, и по образу жизни. Но это узбеки. А это Киргизия. Они и воевали друг с другом в самом взрывоопасном регионе – Ошской и Джалал-Абадской областях, причем с такой жестокостью, какой мы даже в Афганистане не встречали. Мы же,

русскоязычные, были между ними, помогая и тем, и другим в налаживании нормальных отношений, ведь это два народа мусульманского вероисповедания и война между ними – это грех, который осудил весь мусульманский мир.

Нас одели в модную в то время «афганскую» униформу с тельняшками и отправили возить продукты, воду, медикаменты и вывозить больных и раненых из района межнационального конфликта, что мы и делали, как бы это ни было опасно. Руководил и поддерживал нас в этой работе мой друг и соратник по Афганистану Кулаков Вячеслав Михайлович, много сделавший и для нашего движения и занимавший в то время должность начальника Особого отдела КГБ СССР по Фрунзенскому гарнизону. О жизни Вячеслава Михайловича должна быть написана отдельная книга, так как это настоящий герой, правда без звезды.

Погасили этот конфликт не скоро, да он, по-моему, негасим, не забудут этого ни та, ни другая сторона, память у них на такие дела долгая. Между ними стояли российские десантники в городе Фрунзе, да и комендантом был назначен достойный человек – генерал Феликс Кулов, жесткий, решительный и, главное, прекрасно знающий психологию своих соплеменников. В городе не было того бардака, что случился в Оше или Джалал-Абаде.

А итогом этого конфликта стала огромная очередь на вагоны и контейнеры среди русских, украинцев, белорусов, молдаван, немцев, евреев и других.

Заместителем у меня в СВА был как раз узбек – полковник Садыкбаев Исакджан Усманович, мой бывший начальник в Афганистане, уволенный к тому времени из органов КГБ и принявший проблемы своих бывших подчиненных очень близко к сердцу. Небольшого роста, симпатичный, очень коммуникабельный и, главное, никогда не пьянеющий, хотя и никогда не сачкующий при наших частых возлияниях, человек. Он имел огромное влияние на этнических узбеков, а это, как правило, торговые люди, занявшие все ключевые позиции в зарождающемся бизнесе в Киргизии, и поэтому у нас не было никаких проблем в организации встреч, проводов, праздников и так далее.

Кроме всего прочего, у Исакджана Усмановича были еще очень хорошие черты – невероятная работоспособность и житейская прозорливость, а также связи среди властных структур. Он решал многие проблемы «афганцев» просто по звонку, имея высшее юридическое образование, аргументированно готовил документы по любой проблеме, и многие, очень многие братья-киргизы обязаны своим благополучием узбеку-интернационалисту Садыкбаеву.

У самого Исакджана Усмановича была большая родня во Фрунзе, и они всегда были желанными гостями у нас в офисе, который, кстати, выбил также именно он.

Жена Исакджана Усмановича Клавдия Гавриловна – русская по национальности, очень гостеприимная и достойная его жена, русская, но жена мусульманина. Мы всегда ставили

ее в пример нашим женам. И они у нее учились терпению, гостеприимству и пониманию того, что мужья у них прошли войну и надо запастись терпением, терпением и еще раз терпением.

Мы с Исакджаном Усмановичем постоянно были в делах, связанных с проблемами «афганцев», и очень мало времени проводили дома, и когда возникла проблема взаимоотношений с властями Киргизии, Садыкбаева они не обошли стороной, он все же узбек.

Мне в очень вежливой форме намекнули, что будет лучше, если руководить «афганцами» будет киргиз, в противном случае... В противном случае будет кирдык, по-киргизски – убьют. Все стало до обидного понятно – денежное место, и все тут. Но не учли одного: ведь для того, чтобы деньги зарабатывались, нужно еще их уметь зарабатывать. А ведь я ранее говорил о том, что проще ждать, когда их тебе принесут на блюдечке, и это в психологии киргизов вещь неистребимая. Сдал я дела своему заму – Турсунбеку, это подполковник, пограничник, 45 лет парню, значит, должны дела были оставаться в том же темпе, как и раньше, но не тут-то было. Бизнес – вещь капризная, он не зависит от национальности, здесь еще кое-что другое требуется, не буду уточнять.

Начало

В мае 1979 года я был переведен по службе из Забайкальского военного округа в гарнизон Отар Среднеазиатского округа, что в 160 км от города Алма-Ата и в 100 км от города Фрунзе.

Особым отделом КГБ по 80-й учебной дивизии руководил майор Бекжанов Кунанбай Ханафинович, но в силу непростого произношения его имени и отчества мы его звали Николай Николаевич. Так что у меня был виртуальный тезка.

У нас сложились хорошие отношения. Начальника отличали выдержка, высокая культура поведения, компетентность, сочетаемая с жадой знаний. На тот период у меня также был определенный опыт оперативной работы, что и принесло ряд положительных результатов уже в те несколько месяцев, которые нам пришлось вместе поработать.

По составу отдел был небольшой, но работоспособный, молодость отдельных работников – Кубатова Джумалы, Конкина Александра – сочеталась с опытом капитанов – Ванина Владимира Ивановича и Горбика Леонида Петровича.

Жили мы дружно, работали, не считаясь со временем. Вскоре меня включили в резерв выдвижения на должность начальника Особого отдела.

Бекжанов К. Х. был выдвинут на вышестоящую должность и убыл в город Алма-Ата в конце октября 1979 года.

Начальником отдела прибыл майор Крайнов Анатолий Николаевич, с которым мы проработали до июля 1981 года.

Подружился я с Кубатовым Джумалы – выпускником Новосибирского политического училища, избранным секретарем парторганизации отдела, но еще слабым оперработником, в силу чего наше общение было в основном вечерами вопросов и ответов.

В декабре 1979 года Крайнов ушел в очередной отпуск, я остался за начальника отдела. Сразу возникло множество вопросов, которые надо было решать уже мне в новом качестве.

16 декабря 1979 года было воскресенье, день выдался солнечный и теплый, мы семьей пошли в сопки, они начинались сразу за нашим гарнизоном. Свежий воздух, радующая глаз горная природа прибавили настроения, дали заряд энергии на следующую неделю. Поужинав, сели смотреть телевизор.

Около 19 часов прибегает солдат, дежурный по отделу:

– Товарищ майор, вас срочно к телефону полковник Селин!

Я оделся и бегом в отдел. Полковник Селин Алексей Константинович был в ту пору начальником Особого отдела 17-го армейского корпуса, дислоцированного в городе Фрунзе, и мы ему подчинялись.

Селин дал команду разыскать Кубатова и срочно выехать нам вместе в город Фрунзе, прихватив тревожные чемоданы. Я, в свою очередь, распорядился найти Кубатова и вызвать

его по тревоге в отдел. Сам позвонил командиру инженерного полка подполковнику Воронову Леониду Георгиевичу и попросил прислать машину для поездки в город Фрунзе. Он удивился такой спешке, но дежурная машина была подана через десять минут. Я вернулся домой, объяснил ситуацию Светлане, взял тревожный чемодан и через десять минут уже был в отделе. За годы работы в КГБ я привык к таким вызовам, поэтому ничего особенного в этом не увидел.

Прибежал Кубатов, я ему вкратце изложил суть, сели в машину и поехали во Фрунзе. По дороге гадали, зачем мы понадобились Селину, так как нас редко привлекали для работы в других гарнизонах, ибо у нас была развернутая учебная дивизия и своих проблем было достаточно. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Через два часа мы были в отделе во Фрунзе, но Селин уже был дома. Я позвонил ему и доложил, что мы прибыли, команда была располагаться в отделе и быть готовыми к шести утра к выполнению задачи, которую он завтра и поставит. Спать нам приготовили в кабинете заместителя начальника, и мы, поужинав, легли спать.

В пять часов утра нас разбудил дежурный, и к моменту прибытия Селина мы уже были в его кабинете.

Селин не торопился, он внимательно нас рассматривал, затем всех расспросил о делах семейных, о состоянии здоровья и так далее.

Селина я знал еще по службе на Дальнем Востоке, ко-

гда после окончания 311-й школы КГБ пришел к нему оперуполномоченным в Особый отдел Спасского гарнизона. Службу Алексей Константинович начинал помощником оперуполномоченного Смерша в годы войны, освобождал Китай, работал в Харбине, имеет много государственных наград. Окончил Высшую школу КГБ. Проработали мы вместе три месяца, и он уехал на повышение в Среднеазиатский военный округ. И вот, встреча через десять лет. Но он такой же энергичный, подвижный, с юмором.

Слушали его внимательно, записывать ничего не полагалось, для этого есть память, которую постоянно тренировали.

– Задача, которую предстоит решать, товарищи офицеры, несложная, вы такие решаете у себя на объектах каждый день. Предстоит подготовить мотострелковый полк, дислоцирующийся в городе Ош, к учениям в условиях зимы на незнакомой местности. Для этого в каждом батальоне будет работать оперуполномоченный, а для Дуюнова, Башкоева, Пономарева нагрузка будет побольше.

– Как долго это продлится? – задал вопрос Башкоев.

– Около месяца.

– Когда выезжаем?

– Прямо сейчас.

В уазики загрузили наши вещи, сухпай, воду, и через полчаса мы уже двигались в дальний гарнизон. В первой машине ехали Селин, Кубатов, Башкоев, во второй – я, Пономарев

Александр и Елизаров Александр. Их я не знал до этого, так что пришлось знакомиться по дороге.

Дорога в город Ош лежала между перевалами, высота которых – более 5 000 метров над уровнем моря, да и вообще-то, на улице декабрь. Мы это почувствовали сразу, как начали подъезжать к перевалу Сусамыр. Холод такой, что не знаешь, как сесть или лечь, чтобы не замерзнуть, да и одежда наша была не по сезону – ну не думал никто, что придется ехать по горам. Даже и не знаю, как бы мы выжили тогда, если бы не было с собой родимой водочки, которую мы не забыли положить в тревожный чемодан, а это мы никогда не забывали. Но все хорошее быстро кончается, и до приезда в город Токтогул мы все же замерзли, а туда свыше 300 километров. Дорога по перевалу шла серпантинном, скорость – не более 10 км/час, так что мы приехали в Токтогул около часа ночи, надо было переночевать где-то и утром снова в путь. Селин подъехал к какой-то гостинице – это развалюха одноэтажная, долго стучали, открыла заспанная киргизка, спросонья не понимающая, откуда взялись эти военные, да и не знающая русского языка. Выручил Кубатов, объяснил что-то, и нас пустили в дом. Там такая же холодрыга, как и на улице, только не дует, и снова встал вопрос: чтобы выжить до утра – нужна она родимая, водочка! А где ее взять в час ночи? Конечно же, только у местных жителей. А кто может с ними общаться? Только Кубатов. Вот тогда мы его и зауважали. Но зауважали и Селина, который вез с собой

целый ящик коньяка и в эту трудную для нас минуту выделил нам пару бутылок. Я до сих пор ему за это благодарен, иначе замерзли бы мы или заболели, что было явно нехорошо. Короче, выжили и утром поехали дальше.

К вечеру проехали оставшиеся 350 км, и вот он – город Ош. Я там до этого не был. Город стоит в горах, дороги извилистые, узенькие, но областной центр. Думали, приедем, отдохнем, но не тут-то было. По приезде сразу же была объявлена тревога и началась работа.

Полковник Селин представил нас офицерам штаба корпуса, которые прилетели в Ош самолетом, офицерам полка, прибывшим по тревоге, поставил нам задачу, и мы приступили к работе.

Особый отдел КГБ СССР по 40 общевойсковой армии.
Все Начальники Особых отделов КГБ , заместители,

сотрудники штаба отдела. Я третий справа.
Май 1983 года, Кабул, Афганистан

Командиром полка был подполковник Кудлай, начальником политотдела – майор Архангельский, заместителем командира полка – майор Арутюнян, которые очень помогли нам в работе.

А работа нам предстояла специфическая, какую я ни до этого, ни после этого не выполнял. Необходимо было за несколько дней проверить весь личный состав полка, дать заключение по каждому солдату, прапорщику, офицеру на его благонадежность, отвести всех, на кого был хоть какой-нибудь компромат, а главное – в каждом подразделении на вербовать секретных сотрудников (в народе – агентуры), и такое количество, какого нам и не снилось.

Мне в обслуживание были переданы один батальон и артиллерийский дивизион, а это более тысячи человек.

Командир батальона капитан Нестеров Валерий – невысокого роста, подтянутый, собранный – мне сразу понравился знанием личного состава, умением ориентироваться в обстановке и видеть перспективу. Мы договорились о том, что соберем командный состав батальона у него в кабинете через полчаса, а за этот период набросаем план первоочередных мероприятий по подготовке батальона.

Валера закончил Академию им. Фрунзе, батальоном командовал около года, так что проблем в ознакомлении с его

подчиненными у меня не было. Характеристики сжатые, точные, в чем я впоследствии убедился.

Задача офицерам, прапорщикам, сержантам была поставлена. Посыпались вопросы – зачем, куда, почему, когда и так далее.

Я остановил любопытных и сказал, что они напрасно задают столько вопросов, так как отвечать на них нет необходимости – каждый из них за свою службу столько раз готовил свои подразделения к подобным мероприятиям, что должен был уяснить одно: приказ надо выполнять, а вот как лучше выполнить – это уже другое дело, на этом мы и сосредоточим внимание сейчас и потом.

Смотр батальона мы провели через два часа. Внушительно выглядело боевое подразделение, вытянутое в походную колонну – БМП с боекомплектами, солдаты, сержанты, офицеры в полевой форме, перетянутые ремнями, в касках, с оружием, противогазами.

За что я люблю армию – так это за мобильность, за способность быстро, без демагогии решать все поставленные задачи, за готовность личного состава действовать по любой вводной в незнакомой местности, в любое время суток, за ее высокий идейно-политический настрой, за взаимовыручку и за многое другое, без чего она не называлась бы школой жизни. Я бы сказал – академией жизни.

Не все соответствовало на тот момент в батальоне требованиям марша, и нам пришлось потратить некоторое вре-

мя на то, чтобы одеть солдат и офицеров в зимнюю одежду, подготовить технику к действиям в условиях холода, пополнить запасы боеприпасов, питания, оформить походную агитацию, доукомплектоваться личным составом до полного штата, заменить больных и многое другое.

Смотр полка показал, что командир полка и его подчиненные потрудились неплохо. Часть готова к выполнению любой задачи.

Но у нас были другие задачи – убрать из полка всех нарушителей дисциплины, лиц, имеющих родственников за границей, судимых, проходивших по нашим материалам. Таким образом, из полка было отсеяно около сотни человек. Но надо было развернуть полк до штатов военного времени, а это значит призвать на службу более 2 000 человек. Выловили всех приписников в Оше, Ошской области, Таджикистане, но нам работы прибавилось на круглые сутки – ведь всех призванных надо было проверять по полной программе так же, как и остальных. Работа кипела день и ночь, пальцы сводило от ручки и бумаг, от печатных машинок и беготни от полка до УКГБ по Ошской области, где велась проверка.

Призвали и стариков, и молодых, работающих и тех, кто учился, даже нескольких только что уволенных из армии и ставших на учет в военкоматах. Словом, выгребли всех, кто мог стоять на ногах и носить оружие. В расчет не бралось ничто – ни отсрочки, ни болезни – в общем, ничего того, что сейчас принимается в расчет. Надо, и все. Но среди них

необходимо было еще и агентуру приобрести, а это вам совсем другая работа, и поэтому мы падали с ног, но делали то дело, которому учили уже нас – оперработников. Они меня только и поймут. Ту работу, на которую отведено полгода, надо было делать за два-три дня, причем на связи у каждого оперуполномоченного должно было быть по 55 – 60 негласных помощников. Задачу мы, конечно, выполнили, но качество помощников было, мягко говоря, нулевое. Ведь их же надо было учить, а времени на это как раз и не было, и можете представить, что делал потом оперработник, у которого они были на связи. Да ему впору было повеситься от таких помощников. Это я сам потом на себе испытал.

22 декабря в четыре утра полк был поднят по тревоге. Быстро, без суеты батальоны вытянулись в походную колонну.

Задачу на марш ставил командир корпуса. Слушали затаив дыхание. Предстояло совершить марш через горные перевалы Киргизии и Таджикистана (а их высота была более пяти-шести тысяч метров над уровнем моря, да и зима ведь была на дворе) и прибыть к месту учений в город Хорог Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Расстояние – более 1 250 километров, тем более что и техника наша порой дышала на ладан. По этой причине не шел на учение танковый батальон, где были допотопные танки, БМП не первой свежести. Единственное, что не подвело – это автомобильная техника, но ведь это был полк на БМП,

а это 90 штук, на дизельном топливе, нагруженные под завязку – снаряжение, боеприпасы, дрова, палатки, да и другая поклажа, которую загрузили запасливые прапорщики и солдаты. БМП были похожи на навьюченных верблюдов, не лучше выглядели и ЗИЛы, ГАЗоны, КамАЗы и прочая техника.

Таких маршей не совершала ни техника, ни люди, не было прецедента в вооруженных силах СССР. Мы были первыми и, наверное, последними.

Не до каждого, очевидно, дошел смысл задачи, но думаю, у многих родились вопросы: «Выдержу ли я такие испытания? Как поведет себя техника? Все ли я сделал для того, чтобы она не сломалась? Есть ли запасные части? Хватит ли квалификации осуществить срочный ремонт в экстремальных условиях?»

Ответ на эти вопросы дал марш. Команда по машинам раздалась, как всегда, неожиданно, все бросились по местам, и через несколько минут мы покидали обжитый гарнизон.

Грохот боевых машин разбудил предутреннюю тишину города Ош. Залаяли собаки, многие жители включили свет в домах, вышли на улицы, где двигалась многокилометровая лента машин.

Дорога петляла между горами. Это исторические места: здесь много веков назад шел со своим войском Александр Македонский, здесь живут потомки его воинов. Таджики с голубыми глазами выделяются среди своих черноглазых соплеменников и ростом, и другим овалом лица.

С интересом всматривался я в эту местность, не приходилось видеть этих высоких пиков гор, речек, кишлаков, приростившихся почти у обрывов, таких оборванных и худых людей, живущих в XX веке в глинобитных мазанках. Я еще не видел Афганистана.

Впечатление было сильным, так как до этого я служил на Дальнем Востоке – на Сахалине, в Приморье, Забайкалье, Сибири. Но там природа не такая суровая, она кормит и поит людей, а здесь – горы, камни и почти нет растительности. Каким мужеством должны обладать живущие здесь люди, если им каждый день приходится бороться за свою жизнь?

Мы вскоре на себе почувствовали силу здешней стихии – пошел снег, подул ледяной ветер, не видать ничего, продувает насквозь. Пришлось новенькие полушубки надеть задом наперед, на грудь положить шапку – и все равно было холодно.

Спустившись с одного перевала, попали в долину, где нестерпимо светило солнце. Глаза начали слезиться, у некоторых появилась куриная слепота, по этой причине нескольких механиков-водителей пришлось срочно заменять на призванных из запаса, отчего темп движения стал совсем не плановым.

Странно повела себя и техника: не тянут двигатели, дымят и только, скорость упала до 5 км/час, колонна растянулась на многие километры. На высоте оказалось, вода кипит при 80 градусах, и пришлось срочно менять технику во-

ждения, больше оборотов двигателя, чтобы он охлаждался за счет работы вентилятора.

Но проявилась еще одна наша беда: наш солдат все делает хорошо только тогда, когда рядом стоит командир. Мы ведь с собой везли технику на прицепе – пушки, контейнеры с продуктами и так далее. Необходимо было так их закрепить, чтобы они в пути не оторвались от тягачей, но произошло как раз все наоборот: оторвалась большая часть контейнеров с продуктами, несколько гаубиц Д-30 – в общем, уже в начале пути мы имели небоевые потери.

В такой обстановке мы двигались сутки, преодолели свыше 300 километров, остановились у поселка Сары-Таш. Кругом снег, холод, хочется спать, кушать, но надо осмотреть технику, заправить ее, оборудовать палатки для сна, организовать караульную службу и многое другое. И только потом и самим отдохнуть.

На отдых было дано только шесть часов. Затем снова команда: «Подъем, по машинам и в путь!» И тут снова проблемы. Заправили наши машины соляжкой вечером, а утром многие топливные насосы БМП просто разорвало – в соляжке была вода. Началась разборка с прапорщиками – когда меняли летнюю соляжку на зимнюю и меняли ли, почему не следили за ее плотностью и так далее. Пострадали машины в основном 3-го батальона, командиром которого был майор Лев Рохлин, заправлявшийся в последнюю очередь. Доложили командующему округу, вылетели на вертолетах

ремонтники и следователи прокуратуры, а мы продолжали путь вперед.

Дорога пошла вверх и вверх. Стало не хватать кислорода, начала кружиться голова, и появилась какая-то слабость. Дорога – серпантин, посмотришь вниз – БМП как спичечный коробок, только дымок вьется. Добавьте сюда обжигающий ветер и представьте, с каким комфортом мы путешествовали по этим диковатым местам. Бедные солдаты Александра Македонского, как я их понимал в эти дни. Техника ломалась, ее оттаскивали на обочину, ремонтники принимались колдовать над ней, и через какое-то время она вновь присоединялась к колонне.

Так прошел еще один день. Движение продолжалось и ночью. Под утро колонна подошла к кишлаку Мургаб. Это уже был Таджикистан. Нас встретили коллеги из Особого отдела погранотряда, и пока личный состав размещался на ночлег и приводил технику в порядок, мы поехали к ним в отдел. Мургаб – это на границе с Китаем, через хребет – Китай. Высота – более 5 000 над уровнем моря. Стояла относительно теплая погода, но высота... Ходьба с трудом, сердце останавливается, а как хотелось спать, не передать.

Однако дело прежде всего. Нас ввели в оперативную обстановку, сложившуюся в этом районе, уточнили маршрут, некоторые детали для нас были новыми, так как никто из нас ранее так близко к госгранице не служил. Затем коллеги организовали баню, и мы уснули сном праведников, пока

не прозвучала вновь команда: «Подъем, по машинам!»

Движение начали утром, впереди нас ждал город Хорог, но до него было более 490 км. Дорога пошла вниз. Если до Мургаба мы почти не встречали кишлаков, то теперь они стали встречаться чаще. Да и дорога стала получше – прямее и кое-где даже асфальт. Вот тут-то наша техника и показала, на что способна.

Я сидел в БМП, которую вел комбат – Валера Нестеров. Это был мастер вождения, скорость 85 – 90 км/час он держал с батальоном четко.

Встречные машины прижимались к обочине, видя несущую стальную громадину.

Внизу было теплее, не так давило на сердце. Дышалось легче. Придавало силы то, что скоро будем на месте и приступим к учениям. Но глядели на карту, и становилось как-то не по себе. Какие учения, если кругом только горы и ущелья, а наша техника предназначена совсем для другого? Да и дорога потом никуда не вела. За речкой было чужое государство, и звалось оно Афганистан, а это было мирное, спокойное государство, где жили те же таджики. Чего же мы сюда приперлись, какие такие учения можно тут проводить? Спросить было не у кого, так как Селин остался в Сары-Таше. В общем, думай, что хочешь, но мыслей умных не приходило на ум, да и не до этого вскоре стало.

Прибыли в Хорог в четыре утра, остановились на горе выше речки Хорог и самого города. Стали также готовить-

ся на постой – ставить палатки, проверять технику, оружие, кормить солдат.

Сон не шел, в организме все продолжало трястись, звон в ушах не затихал, да и в палатке было холодно. Я вышел и пошел искать своих коллег. Оказалось, что Кубатову оказывают медицинскую помощь, сердечко шалило, остальные чувствуют себя хорошо, только у всех обморожены губы да болят глаза. В батальоне у Саши Пономарева меня покормили горячей лапшой, напоили чаем, и вот тут я почувствовал, что устал и хочу спать. Заснул там, где сидел.

Не помню, сколько прошло времени, только команда «Подъем!» и разбудила. Вскочил, подошел к бочке с водой, умылся. Привел себя в рабочее состояние и пошел к ребятам.

Наш лагерь расположился около какого-то заведения, обнесенного проволокой и забором. Оказалось, что это тюрьма, оттуда слышались какие-то стуки, как будто стучат чашками. Внизу речка, а за речкой Афганистан. Просто речушка-переплюйка, а дальше заграница, неведомая страна. Что мы тут делаем и зачем сюда забрались, непонятно.

За нами приехали коллеги из КГБ Горно-Бадахшанской автономной области, и мы поехали к ним в отдел, где нас приняло начальство, познакомились, связались по ВЧ с нашим начальством в Алма-Ате, получили инструкции по дальнейшей деятельности, а затем поехали в Особый отдел Хорогского погранотряда, где уже более плотно вникли

в оперативную обстановку.

Вот тут-то внутри что-то похолодело. То, что пришлось услышать, а затем увидеть на картах, привезенных офицерами Генерального штаба, каждого повергло в шок. По-другому не назовешь.

Нам предстояло в условленное время, которое нам сообщат отдельно, пересечь государственную границу с Афганистаном, двинуться вглубь, в сторону города Файзабад, и захватить его.

Дальнейшие инструкции будут даны уже потом. Вот тогда только в мозгах стало проясняться, для чего мы здесь появились, хотя не до конца было ясно, а что же дальше-то делать.

Здесь мы познакомились с жизнью погранотряда, узнали ближе этих мужественных и преданных Родине людей. Непросто здесь жить, не всякий выдержит в этом суровом краю. А ведь живут здесь вместе с семьями. Радуются всему хорошему вместе со своим народом и не считают себя забытыми, покинутыми.

Я всегда преклонялся перед семьями наших старших товарищей, которых судьба забрасывала в дальние гарнизоны, они через всю свою жизнь пронесли оптимизм, желание творить, любовь и верность нелегкому труду защитника Родины. Особые чувства вызывают жены этих мужественных людей. Невзирая на сложности семейной жизни, нелегкие бытовые условия, отсутствие элементарной медицинской помощи – они растили и растят потомство, чтобы их судьба по-

вторилась в судьбе детей. Порой они, не доучившись в вузах, работали и работают там, где они нужнее всего, твердо веря, что делают нужное всем дело. Такими женщинами-патриотками сильна наша армия, сильны наши чекисты, офицеры особых отделов КГБ СССР.

Здесь же мы узнали, что в соседнем Афганистане произошли большие перемены. В связи с тем, что глава Афганистана Амин готовился предать интересы Апрельской (1978 года) революции, патриотические силы свергли его, выбрав руководителем Бабрака Кармаля, который обратился за помощью к руководству СССР, и наше правительство приняло решение оказать вооруженную помощь, так как против Афганистана готовилась интервенция. Больше нам ничего не сказали, но стало ясно, что ждет нас такое, чего и не снилось.

Задача полку была поставлена конкретная – пройти форсированным маршем из города Хорога в поселок Ишкашим, а затем в сопровождении маневренной группы погранотряда пересечь границу с Афганистаном и, соблюдая повышенную боевую готовность, выдвигаться к городу Файзабад и захватить его, расположиться лагерем около него и ждать указаний, что делать дальше. Оружие применять только в случае нападения на колонну.

Посуровели лица солдат и офицеров, когда им сообщили приказ Генштаба.

Что нас ждало за этими высокими горами? Есть ли там дороги? Пройдет ли техника? Как нас встретят афганцы? В ка-

ком качестве мы будем там находиться? Какие боевые задачи придется решать нашей части? Как будет организовано наше снабжение? Ведь с собой мы брали питания и боеприпасов только на первый случай, всего на несколько недель.

На эти и другие вопросы ответ мог дать только Афганистан...

Кундуз

Ил-76 поражает размерами, когда стоишь рядом с ним, подавляет своим объемом сидящих внутри него. Не каждый день приходится летать на таком гиганте. Ровно гудят двигатели, ярко светит сквозь иллюминаторы июльское солнце. В самолете стоит приглушенный гул разговоров. На сиденьях, на полу сидят, лежат офицеры, прапорщики, солдаты. Нет-нет да и видишь гражданских лиц. Чемоданы, вещмешки, сумки разных размеров и расцветок дополняют эту картину. У всех настороженные, сосредоточенные лица. Изредка слышно ойканье, когда самолет проваливается в воздушную яму. Некоторые офицеры дремлют или делают вид, что дремлют, скорее второе. Ведь наш самолет летит на высоте десять тысяч метров из Ташкента в Кабул. Расчетное время полета – 1 час 45 минут.

105 минут мы будем вместе. Мы – это свыше двухсот военнослужащих различных родов войск, направленных на замену нашим военнослужащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане с декабря 1979 года.

Я смотрю на часы – 8:45 ташкентского времени, 6 июля 1981 года. В памяти пронесли сумасшедшие дни подготовки к спецкомандировке в Демократическую Республику Афганистан...

На второй день отпуска, 20 апреля 1981 года, я не успел никуда уехать, меня вызвал в отдел Крайнов А. Н. и начал расспрашивать о здоровье, о семье, о планах на отпуск и так далее. Я удивился, с Крайновым у нас были чисто служебные отношения, никогда он ни у кого не интересовался подобным – и вдруг такая забота. Я ответил:

– Все нормально. Давай, Анатолий Николаевич, не темни, говори, зачем вызвал.

В ноябре 1980 года у нас со Светланой родился второй сын Алеша, старшему Саше исполнилось в марте пять лет. Крайнов никогда не отличался дипломатичностью, был прямолинеен и поэтому выдал:

– Решением руководства вы направляетесь на медкомиссию для выяснения пригодности к службе в жарких районах.

Я спросил:

– А где жарче, чем у нас в Средней Азии?

Ответ был прост:

– В Афганистане.

Для меня неожиданностью это не было, я знал, что большинство войсковых соединений, вошедших в Афганистан в декабре 1979 – январе 1980 годов, было из ТуркВО и САВО. Кроме того, Селин А. К. на совещаниях неоднократно заявлял, что многим из нас придется побывать в ДРА, заменяя оперработников, вошедших с войсками в числе первых. Тем более если ты там уже побывал.

Конечно, эта новость радости Светлане не доставила, так

как Лешке всего шесть месяцев, Сашке идет шестой год. У нас до года даже не разводят, а здесь «по желанию» отправляют на войну, и ты должен еще радоваться. Мои родители живут в Узбекистане, отец прикован к постели, мать не может его оставить, родители Светланы на Дальнем Востоке, тоже в возрасте, так что с какой стороны ни подойди, быть ей одной с детьми в далеком гарнизоне. Были и слезы, и долгие разговоры, но в конце концов решение было принято однозначное: интернациональный долг надо выполнять, к тому же это моя профессия – Родину защищать.

О том, что происходит в Афганистане, я знал не понаслышке. Уже приезжали в гарнизон Кубатов Джумалы и Елизаров Саша, награжденные за боевые действия: Джумалы – орденом Красной Звезды, Саша – медалью «За боевые заслуги». Мы с волнением слушали их рассказы о боевых буднях полка, с которым я заходил в Афганистан, о делах конкретных офицеров, которых я знал лично. Эти ребята были первыми, в кого стреляли душманы, надеясь уничтожить вместе с ними и первые ростки народной власти.

Командир полка подполковник Кудлай был ранен в ногу на одной из операций и заменен в Союз, командиром полка был назначен подполковник Арутюнян, многие офицеры выросли и в должностях, и в званиях, награждены государственными наградами, некоторые ранены, несколько офицеров погибли. Замполит роты старший лейтенант Опарин Александр посмертно награжден орденом Ленина и «Золо-

той звездой» Героя Советского Союза.

Медкомиссию я, конечно, прошел, да и как не пройти – мастер спорта по боксу, ежедневно пробегал по пять километров (нескромно, конечно, но не в санаторий ведь еду).

Поехал в Узбекистан, в прекрасный город Навои, утопающий в зелени, чтобы попрощаться с родителями, братом и сестрой. Родители год назад уехали из села Чалдовар Панфиловского района Киргизской ССР в связи с болезнью отца (сказались старые фронтовые раны).

Настроение было боевое, однако мать его не разделяла, так как у нее был опыт ожидания отца с войны – с двумя детьми и долгие годы. Она знала, что ждет Светлану. Отец давал практические советы, как вести себя на войне, а уж он знал, что это такое – орден Боевого Красного Знамени, орден Славы III степени, четыре боевых медали что-то да значили для бывшего сотрудника ГРУ ГШ.

Мать по старому обычаю перекрестила меня и пожелала благополучного возвращения домой.

Сдал я дела прибывшему вместо меня оперработнику, услышал на проводах хорошие слова о себе от начальника Особого отдела КГБ СССР по САВО полковника Борисенко В. К., который заявил, что майор Дуюнов Н. А. – один из лучших оперативных работников округа и кому, как не ему, достойно представлять округ в Афганистане, и пообещал поддержку семье на период командировки.

Никогда не забуду выражение лица Светланы, плачущего

Сашку, улыбающегося Лешку 3 июля 1981 года. Я просил ее не провожать до вокзала, проводят сослуживцы. Билет был куплен, подошел поезд, и я поехал в город Ташкент, в распоряжение Особого отдела КГБ СССР по Туркестанскому военному округу.

Странные чувства одолевали меня. С одной стороны, очень хотелось попасть туда, где только становилась на ноги молодая республика, где ждали замены ребята, первыми вошедшие туда и все сделавшие, чтобы об Афганистане заговорили как о самостоятельном государстве. С другой, я реально представлял, как тяжело будет моей семье в эти годы без меня. Но чувство долга и пример тех, кто первым громил банды душманов, перебороли сомнения, и я постепенно настраивался на Афганистан.

В Ташкент я прибыл в полдень 4 июля и сразу же с вокзала позвонил начальнику отдела кадров Особого отдела КГБ СССР по ТуркВО подполковнику Ермоленко П. П. Мне ответили, что ждут, подсказали, как проехать, устроили в гостиницу КЭЧ.

На следующий день со мной беседовали различные должностные лица, вводили в оперативную обстановку. Оформляли служебный паспорт, удостоверение личности. С учетом того, что я работал ранее в авиации, было решено направить меня в Особый отдел КГБ по авиации 40-й армии. А 40-я армия – это и есть тот ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

6 июля 1981 года в 6 часов утра я и несколько других оперработников должны были вылетать из военного аэропорта Тузель города Ташкента в город Кабул, столицу Афганистана.

И вот, я лечу в самолете, кругом не знакомые мне люди. Но уже через час мы в большинстве своем перезнакомились, посыпались шутки, смех. Среди нас были и те, кто возвращался назад в Афганистан из отпусков, лечения после ранений, из командировок. К ним было больше всего вопросов – что за гарнизоны нас ждали, какая там обстановка и так далее.

Не на все вопросы могли ответить ребята. Да и времени было не так много, и мы с волнением ждали прилета в Кабул.

Одеты мы были в повседневную форму, везли с собой все свое богатство. Все пухленькие, незагорелые, свеженькие. А рядом сидели обветренные, худые и измученные солдаты и офицеры, уже понюхавшие пороха и окопной грязи.

Замигало табло «Пристегнуть ремни», затем раздался голос, объявивший, что самолет начал снижение в аэропорту Кабул, но он не просто снижался, он падал вниз так, что мы все попадали на пол самолета и лежали с ужасом, не понимая, что происходит. А происходило снижение по-боевому, о чем мы, естественно, не подозревали. Затем толчок, еще один, рев двигателей – и вот, мы катим по полосе.

С грохотом открывается рампа, и перед взором – аэродром, палаточный лагерь, стоянка вертолетов с афганскими

звездами. Остановились.

По спущенному трапу сходим на землю, осматриваемся. Вы бы видели глаза и лица тех, кто впервые попадает в Кабул. Это и любопытство, и страх, и желание показать, что мы и не такое видели. Такое же выражение было, очевидно, и у меня, когда ко мне подошел бравый подполковник в выцветшем обмундировании с орденом Красной Звезды на гимнастерке. Подполковник Трофимов, замначальника Особого отдела КГБ по 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, дислоцированной на аэродроме в Кабуле, ему поручено встретить нас и сопроводить в отдел. Отдел находился рядом, езда заняла всего пять-шесть минут – и вот, мы среди своих. Все было не так, как в Союзе. Палатки, каски, бронежилеты... В общем, было чему удивляться. Люди – и те не такие: загорелые, поджарые, одеты не так, как мы. Нам стало как-то неловко за наш цветущий вид, за растерянный взгляд. На нас смотрели, улыбаясь, бывалые ребята, но мы чувствовали, что это добрые улыбки, в нас они видели себя и как бы говорили: «Подождите, и вы будете такими же, как мы, даже очень скоро».

Лагерь поразил своим спокойствием, деловой обстановкой, будничностью своей, что ли. Мы ожидали всего что угодно, но чтобы так... Но когда сели два самолета – американский и французский, дошло: заграница!

Аэропорт Кабул расположен за городом, в северной его части. Горы образуют как бы чашу, внутри которой лежит

город. Здание аэропорта небольшое, перед ним площадь. На здании буквы: KABUL. Но это я уже потом разглядел, а сейчас было не до того.

Трофимов доложил в штаб, что встретил нас, оттуда поспешила команда ждать, приедут, заберут.

Через час пришел уазик, мы погрузили вещи, сели сами и поехали в штаб 40-й армии. Мы обратили внимание, что все вооружены пистолетами, автоматами, рожки длинные, связаны попарно изолентой. Офицер собранный, малоразговорчивый, да и нам было не до разговоров. Проехали через КПП, солдаты афганские подняли шлагбаум, и мы поехали возле каких-то домиков, затем снова афганское КПП и дорога в город. Скорость – 80 – 90 км/час, мелькают машины, люди, повозки, все как в цветном кино, так как действительно все цветное: желто-красно-коричнево-черные машины, одежда пестрая, повозки разукрашены, лошади... Мелькают бородатые лица, какая-то экзотическая одежда. Затем въехали в город – здания, машины, люди. В общем, Кабул ошеломил. И это только из окна машины. Я старался все запоминать, даже дорогу. Но мы сделали столько поворотов, что я понял, насколько бесполезным делом занялся. Мои спутники молчали, каждый смотрел на город.

Не мог я тогда предположить, что этот по-своему красивый, экзотический город станет для меня родным, что в нем придется прожить почти два года, что я его изучу и буду знать лучше, чем города, где служил раньше, что встречу там

верных друзей и много открою для себя нового, и себя в том числе.

Проехали мимо красивого замка на горе, офицер пояснил:

– Дворец Амина, сейчас там штаб армии.

Промелькнул дворец – и вот, мы у КПП, где стоят свои солдаты. Еще через три минуты мы остановились около длинных одноэтажных домиков. В один из них нас и пригласили.

Я знал, что должен менять майора Чичиланова Юрия Ивановича, который в городе Кундуз, на севере Афганистана, работал в вертолетном полку, в народе – в Джамбулском полку. Он находился вместе с полком с января 1980 года и сейчас ждал замены.

Через полчаса за мной приехал начальник отдела авиации 40-й армии подполковник Редько Виктор Васильевич, который отвез меня в штаб Особого отдела КГБ по 40-й армии, где меня представили начальнику Особого отдела 40-й армии генерал-майору Божкову Сергею Ивановичу. Он попросил меня рассказать о себе, о семье и удивился, почему меня при маленьком сыне отправили в Афганистан. Пожелал удачи, и я поехал в расположение отдела. Там мы поужинали, меня определили на ночлег, затем продолжился инструктаж.

Спать легли уже во втором часу. А с учетом того, что в Кабуле время какое-то непонятное, на 2 часа 30 минут разница с Ташкентом и на полчаса – с Москвой, мой первый ра-

бочий день был очень длинным. Уснул я сразу и проснулся от какого-то грохота. Слышу беготню, какие-то команды, стрельбу из автоматов, пулеметные очереди. Оделся, выглянул на улицу. Ночь, стрельба, трассеры в сторону горы и оттуда – в нашу сторону. Слышу крик: «Ложись!» Упал куда-то за будку и ощутил свою неполноценность: все стреляют, отражают нападение душманов, а я лежу, как бревно, и ничего не делаю, чтобы помочь своим товарищам. Прошло минут 30, и все потихоньку стихло. Принесли раненых, я подошел ближе. Их было трое – у одного кровь на плече, другой ранен в голову и руку осколками, у третьего ранение в бедро. Их унесли в медсанбат, начальник дал команду «Отбой!», и все разошлись по своим местам. Разве здесь уснешь? Проворочался я до рассвета, стрельба еще была несколько раз, но чуть дальше от нас.

Утром все вели себя так, как будто ничего особенного не произошло, начальник спросил, как дела, у раненых, ему ответили, что отправили в Кабульский госпиталь.

День прошел в напряженном изучении документов по вертолетному полку, что было до этого и какие сигналы есть сейчас, ведь это мне придется их продолжать. Я выяснил, что Кундуз – очень напряженный узел в Афганистане, где активно действуют банды Исламской партии Афганистана, которые постоянно совершают диверсии на дорогах, нападают на колонны, засылают агентуру в город и окрестности для наблюдения и фиксации всех передвижений аф-

ганских и советских войск, уничтожают активистов и сочувствующих народной власти, обстреливают позиции советских войск.

Открытых боевых действий душманы не предпринимают, все делают исподтишка, в спину. Создают нервозную обстановку в кишлаках, запугивают население, уничтожая тех, кто чем-то проявил лояльность к новой власти.

Словом, обстановка сложная, динамичная, времени на раскачку нет, решения надо принимать самостоятельно и быстро.

Следующим утром я улетел самолетом Ан-12 из того же Кабульского аэропорта в город Кундуз. Ночью снова была стрельба, поспать почти не удалось, и поэтому в самолете я немного расслабился. Полтора часа пролетели быстро, и вот – Кундуз. Солнце палит немилосердно, кругом все выжжено, земля желтая.

Все части располагались на возвышенности, где и был организован гарнизон, за основу был взят Кундузский аэропорт. Взлетно-посадочная полоса была удлинена, чтобы могли садиться тяжелые самолеты и вокруг разместились другие части. Внизу располагаются кишлаки и километрах в семи – город Кундуз. Но это я узнал потом, а пока пошел искать того, ради кого прилетел в Афганистан – Чичиланова. Искать пришлось долго, так как Юрий Иванович начал отмечать свою замену задолго до моего прибытия в Афганистан, а про работу забыл еще раньше. Да и передавать на связь

негласный аппарат он не собирался, так как не работал с ним уже давно. Объяснял очень просто: полк вскоре должен был заменяться в полном составе на Родину, так что затруднять себя, да и меня, он не хотел. Я успел познакомиться с командиром полка, его заместителями, командирами эскадрилий, отдельными летчиками, техническим составом, а Юрия Ивановича все не было. Появился он только на третьи сутки, отмокал от возлияний, очень обрадовался, увидев меня, а когда узнал, что я из того же САВО, чуть не прослезился. Передал мне рабочую тетрадь, и все. Мол, сам разберешься, не маленький. К вечеру он улетел в Кабул. Начальник не стал его держать в Кабуле, и через сутки Юрий Иванович ужепил водочку в Ташкенте, как о том и мечтал.

Меня одели и обули уже в такую же форму, какую носили все офицеры, и я стал налаживать контакты со своим негласным аппаратом. Ох, и не легкое это дело в условиях компактного размещения части. Офицеры-летчики жили в модулях (сборно-щитовая казарма) по 10 – 15 человек, с кондиционерами, а остальной состав жил в палатках, без излишеств. От Чичиланова мне досталась землянка. Вырытая несколько в стороне от палаток, она просматривалась со всех сторон и явно была неудачна для работы с моими помощниками, а мне было рекомендовано работать именно в ней. Я сразу же забраковал этот вариант работы и стал искать другой.

Получил оружие, боеприпасы, обговорил вопросы взаимной информации с командованием и стал знакомиться с со-

седями.

Гарнизон в Кундузе размещался по обе стороны аэродрома. С левой стороны по направлению взлета размещалась 201-я мотострелковая дивизия, прибывшая из Душанбе и развернутая по штатам военного времени. Правда, не вся она находилась компактно, а была растянута на большом расстоянии, как вдоль дорог, так и охраняя конкретные объекты жизнедеятельности афганской власти. Начальником Особого отдела был подполковник Утяшев Клим Иосифович. По правую сторону – 56-я десантно-штурмовая бригада, где начальником Особого отдела был мой сокурсник по 311-й школе КГБ СССР подполковник Билиенко Иван, который находился в Афганистане с первых дней и хорошо знал оперативную обстановку в окрестностях Кундуза, о чем мне подробно рассказал в процессе нашего общения. И я узнал то, что мне пришлось бы выяснять как минимум полгода. Иван уже был награжден орденом Красной Звезды, а бригаде предстояло передислоцироваться в город Газни, на юг Афганистана, и он вводил меня в курс дела довольно обстоятельно.

Другое дело – подполковник Утяшев, который руководил отделом дивизии и вскоре готовился к замене в СССР. Главное при этом было, как я вскоре понял, его личное благополучие. Почти на каждом борту вертолетного полка (а в Советский Союз почти каждый день летало несколько вертолетов Ми-6, в Кокайты – Туркмению, в Душанбе – Таджи-

кистан) передавал упакованные чемоданы, свертки и отдельные вещи, которые затем уходили в родную Караганду, где жила семья Клима Иосифовича. Он практически единолично контролировал всю жизнь вертолетного полка, исключив Чичиланова вообще из оперативной жизни. Он был в хороших отношениях с командиром полка, его заместителями, командирами эскадрилий, и поэтому они были уверены в том, что Утяшев – начальник Чичиланова, и выполняли все его просьбы, а попробовали бы не выполнить...

Утяшев контролировал весь север Афганистана, так как 201-я дивизия занимала огромную территорию, численно превосходила дивизию, развернутую в СССР, примерно в четыре раза и была очень боевой дивизией, да и командовали ей хорошие командиры: начальником штаба был полковник Стасюк, боевой офицер, не трус и грамотный штабист.

В дивизии по штату было около 20 оперработников, которые были хорошо подготовлены и знали свое нелегкое ремесло, прошли не одну боевую операцию, имели и ранения, и контузии, надежно прикрывали войска на протяжении почти двух лет – в общем, классный коллектив. Но чего там не было – так это дружбы, и все для этого сделал их начальник Утяшев.

Не сразу я это понял, но жалею об этом по сей день.

14 июля ночью нас разбудила стрельба на аэродроме. Я глянул на часы: около двух часов ночи. Я побежал в штаб, благо туда сто метров, стрельба прекратилась минут через

пять, и караул доложил, что отражена попытка проникновения противника в склад боеприпасов полка. Захвачен один диверсант, он находится в комнате караула.

Караульное помещение представляло собой землянку, состоящую из пяти комнат. В одной из них я увидел грязного, оборванного пожилого афганца, сидящего на полу. На голое тело была надета рубашка, очень грязная, широкие штаны, калоши, связан он был размотанной чалмой. Здесь же стоял какой-то желтый горшок, куча проводов.

Часовой пояснил, что он и его напарник (посты в Афганистане выставлялись только парные) заметили какое-то движение в темноте, заняли окопы и, когда тени приблизились, внезапно окликнули их. В ответ раздались выстрелы. Но ребята расположились таким образом, что душманы попали под перекрестный огонь и залегли. Помощь подоспела в считанные минуты, и душманы стали отходить, что-то крича на своем языке. Трех убили, одного с грузом на спине так прижали огнем, что он никуда не двинулся. Сейчас он сидел на полу и настороженно поглядывал на вошедших.

Командир полка подполковник Рушинский и я стали задавать задержанному вопросы: кто он, откуда, с какой целью проник на объект, к какой партии принадлежит.

Задержанный сказал, что он мирный житель из кишлака Аяхель, зовут Мохаммад, искал пропавшую два дня назад корову. Но мина (ей оказался тот желтый горшок), провода, взрыватели говорили сами за себя. Мохаммад врал, изво-

рачивался, плакал, пытался нас разжалобить. Целовал руки, но поняв, что ему не верят, стал кричать, что ненавидит шурави, жалеет, что не довел дело до конца, и смерти от неверных не боится.

Можете представить мое состояние: не в кино или в книге я такое вижу, передо мной враг, враг коварный, жестокий и не трус.

Рушинский мне говорит:

– Сейчас ночь, горячку пороть не будем, утром отвезешь его в ХАД и сдашь, там разберутся. От него сейчас ничего не добьешься, ты посмотри на его злобный взгляд, попадись мы ему, он с нас живых шкуру снимет.

С учетом того, что такие случаи уже были, командир давал здравый совет, но прибавил, что выделит и охрану.

Я позвонил Билиенко, обрисовал происшествие и попросил совета. Иван сказал, что даст переводчика и две БМД для охраны.

Утром мы оформили документы на задержанного и собрались отвезти его в ХАД города Кундуз, но когда Мохаммад узнал, что его сдадут в ХАД, поведение его резко изменилось, и он заявил, что все расскажет, но при условии, что его посадят в русскую тюрьму. Ему было сказано, что у русских нет тюрьмы для афганцев, а он и так все расскажет в ХАДе. Я сложил в ящик мину, провода, взрыватель, посадил Мохаммада в БМД, и колонна двинулась в сторону города Кундуз.

Переводчик, сержант Алимов, знал, где находится ХАД,

и мы поехали, соблюдая меры предосторожности – зарядили пушки, автоматы, десант занял положение по-боевому. На предельной скорости мы понеслись по разбитому шоссе. Дорога была пустой. Вдоль тянулись заброшенные дома. Из них, по словам Алимова, душманы обстреливали наши колонны. Жители ушли из них, так как душманы специально провоцировали стрельбу из них, а когда наши войска открывали ответный огонь, западная пропаганда вопила, что советские войска обстреливают мирные кишлаки.

Кишлак Спинзар находился в двух километрах от гарнизона. Над этим кишлаком в августе 1980 года был сбит первый Герой Советского Союза – подполковник Гайнутдинов Вячеслав. Я его лично не знал, но часто видел в передачах телевидения, читал в газетах и гордился тем, что он из нашего Среднеазиатского военного округа.

И вот он, этот зловещий кишлак. Жителей не видно, жуткая тишина. Пролетели его за несколько минут. Показались шлагбаум, окопы, обложенные камнями, ящики с песком.

Нас остановил афганский солдат с автоматом ППШ, экзотически одетый, или просто показалось, так как я их мало до этого видел. Спросил пароль, ответ: «Шурави», и мы поехали дальше. Город расположен в низине, кругом зелень, прохлада. Попалось несколько машин, повозок. До чего же все экзотично-пестрые, украшенные наклейками повозки блестят, все в цветах. Но взгляды настороженные, недоверчивые, а порой и откровенно враждебные.

ХАД размещался в особняке около провинциального комитета Народно-Демократической партии Афганистана, рядом дома, где живут партийные работники. Кругом охрана, те же окопы. Нашу колонну мы разместили по углам улицы, и повели Мохаммада в ХАД.

Заир, заместитель начальника, встретил нас. Я через Алимова объяснил суть дела, показал мину, взрыватель, провода и наши документальные свидетельства, да и самого Мохаммада. Но дело оказалось не таким простым, как казалось. Афганцы не умели читать по-русски, а мы не знали их письменности.

Но выход нашелся: советник ХАДа майор Борисов Юрий знал и то, и другое. Здесь, в ХАДе, Мохаммада опознали как опытнейшего минера-диверсанта, который прошел подготовку в Пакистане и нанес огромный урон народной власти, так как на поставленных им минах подорвалось много машин и мирных жителей.

Афганцы подписали документы о передаче им Мохаммада, поставив какие-то закорючки и приложив палец. Это поражало, но больше поразило другое: они вывели Мохаммада во двор, поставили его к стенке из толстого самана – кирпича из глины и соломы – и так же буднично всадили в него полрожка из ППШ. Я обалдел. Не знаю, на кого я был похож, но минуты две, пока они за ноги не утащили его куда-то в сарай, не мог вымолвить ни слова. А когда голос прорезался, заикаясь, спросил, что это значит. Ответ был прост, как три

копейки:

– Вы привезли бандита с вещественными доказательствами. Чего с ним дальше разбираться? Расстрелять – и дело с концом. У тебя же есть документ о его приеме, чего тебе еще надо?

Борисов, когда мы зашли к нему в кабинет, стал объяснять специфику жизни спецслужб Афганистана, которые насквозь пропитаны родственными связями, так как имея нескольких жен, афганцы плодятся, как кролики, и порой одни дети воюют за народную власть, а их кровные братья – в душманах. Одни ловят и сажают, а другие выпускают. Но есть такие, которые не выпускают, а сразу в расход. Заир такой. Он никогда долго не разговаривает, расстрелял – и дело с концом.

Юра пожаловался, что его мало слушают. Когда он пытается говорить о законности и правах подсудимых – афганцы везут его к месту очередного взрыва и показывают то, что осталось от их родственников и друзей, желание говорить само собой проходит. У сотрудников низкая квалификация, многие погибают во время боевых операций, других выдвигают на другие объекты.

Я пригласил Юрия к себе в гости, он обещал приехать. Мы впоследствии часто встречались, и от каждой встречи с ним была только польза для общего дела.

Мохаммад был первым в моей практике задержанным душманом, но увы, далеко не последним.

Я доложил своему начальнику отдела о задержании Мохаммада и о его дальнейшей судьбе. Он поблагодарил за работу и дал задание проработать вопросы охраны аэродрома, складов с вооружением и боеприпасами и доложить ему в кратчайшие сроки, а с командованием обговорить практические меры по усилению охраны и обороны техники полка и аэродрома.

Эти моменты были обговорены с командиром полка Рушинским, начальником политотдела полка подполковником Бацурой, и были намечены практические меры по усилению режима охраны объектов, повышению политической бдительности личного состава.

Создали выносные посты, усилили их технически, поставили сигнальные мины, стали практиковать засады. И в результате этих мер были уничтожены еще две группы диверсантов. На какое-то время нас оставили в покое.

Через два дня улетала в Союз эскадрилья Ми-24, воевавшая с первых дней в Афганистане. Улетала домой – в Рауховку Одесской области. Утром накануне вылета мне звонит начальник Особого отдела КГБ по 201-й дивизии подполковник Утяшев и приказывает прибыть в отдел к 6 часам утра для участия в оперативной комбинации. Приказ есть приказ, его надо выполнять, тем более что приказывает старший оперативный начальник. В указанное время я был в отделе Утяшева, здесь мне определили задачу по блокировке вылета эскадрильи, без команды Утяшева ни один вертолет не должен

был взлететь. Я отправился на СКП и довел задачу до офицеров полка. Они с пониманием отнеслись к моей просьбе и заверили, что ни один вертолет не взлетит без разрешения Особого отдела. Позвонил Утяшев и попросил прийти к вертолетам эскадрильи. Я подошел, там сотрудники Утяшева проводили выемки каких-то узлов, свертков, баулов. Все это грузилось на машины Особого отдела 201-й дивизии и увозилось к ним на склады. Узлов было около 15, упакованы они были в какие-то мешки. Что было в них, я не знал. По окончании выемки Утяшев приказал всем прибыть в отдел, где мы должны были подписать документы об изъятии материальных ценностей из вертолетов. Пока мы с другими работниками отдела пришли в отдел, а туда было не менее двух километров, там заканчивали составление протоколов, которые нам оставалось только подписать. Мы подписали бумаги, в которых перечислялись материальные ценности, изъятые при обыске, и затем каждый ушел по своим объектам.

На следующий день меня пригласил к себе Утяшев и сказал, что в эскадрилье, по данным их агентуры, готовилась операция по контрабанде в Союз партии кристалона, купленного в Афганистане для перепродажи и получения прибыли офицерами эскадрильи, но они ее пресекли, и теперь материал будет сдан в прокуратуру дивизии, а затем реализован в дуканах Кундуза, а деньги будут перечислены в Союз.

Еще через день мне звонит один из работников Утяшева

и предлагает поехать в Кундуз, где переводчик Утяшева будет сдавать изъятый материал в магазин. Нечасто была возможность побывать в Кундузе, я дал согласие, и на следующий день мы на нескольких БМП выехали в Кундуз. Переводчик, таджик по национальности, о чем-то говорил с афганцами, сдавал им материал, а мы глазели на магазины, на афганцев, на эту экзотику – в общем, нам и дела не было до того, чем занимался переводчик. Дело было сделано, и мы вскоре поехали назад в гарнизон. По приезде Утяшев поблагодарил переводчика за сделанное дело, а нам сказал, что мы заслужили поощрение за участие, хотя мы только сопровождали его, не более. Еще через день Утяшев каждому из нас четверых, сопровождавших колонну, вручил по магнитофону «Трайидент» за обеспечение операции по реализации оперативной информации по контрабанде материала эскадрильей Ми-24 Кундузского гарнизона. Эскадрилья была отдельной и командованию моего полка не подчинялась, и поэтому реализацией оперативных данных занимался Особый отдел 201-й дивизии.

Я через день доложил своему начальнику о данной операции и получил указание изложить это все справкой, что я исправно и сделал.

Впоследствии этого документа не нашлось в архиве Особого отдела по авиации 40-й армии, что стоило мне должности и службы в органах КГБ. А пока жизнь в Афганистане только набирала обороты.

Одна из моих эскадрилий располагалась в гарнизоне Файзабад, куда я входил с 860-м отдельным полком из города Ош, где он и располагался. Командовал эскадрильей Герой Советского Союза майор Василий Щербаков по прозвищу Рыжий. Этого невысокого, крепкого офицера знали во всем Афганистане. Герой. Его эскадрилья наносила душманам всегда неожиданные удары, уничтожала их склады, засады на дорогах. Неутомимым летчиком был Василий Щербаков. По несколько вылетов в день, в условиях жары, под обстрелом пулеметов ДШК он всегда точно выходил на удар, под огнем вывозил раненых советских и афганских бойцов, доставлял боеприпасы, продукты питания.

Василий Щербаков был удостоен высокой чести представлять коммунистов Афганистана на XXVI съезде КПСС. Впоследствии Щербаков – слушатель Военной академии им. Ю. А. Гагарина.

Вот в эту эскадрилью я и полетел 26 июля с экипажем вертолета Ми-6, который доставлял горючее и продукты. Было очень жарко, вертолет, несмотря на его большие размеры и груз, бросало то вверх, то вниз. До Файзабада лету минут 40. Внизу желтая выжженная земля, попадались отдельные кишлаки, поля с убраным урожаем, его молотили дедовским способом – коровами топтали снопы, а затем вручную молотили и веяли. Это в нашем-то XX веке.

Файзабад – маленький городок, запомнившийся мне еще по первому пребыванию в Афганистане при вводе войск

в 1979 году, расположенный по берегам бурной горной речки Кокчи в ущелье, а кругом – горы высотой более 3 500 метров. Узенькие улочки с расположенными на них дуканами (магазинами) создавали восточный колорит. Та же пестрота нарядов, шум базара, настороженность во взглядах. И полное отсутствие женщин. Сплошной мужской коллектив. Я уже говорил, что у афганцев большие семьи, детей рождается много, и не все они, конечно, выживают. Многие болеют рахитом, немывтые, чумазы, полуголодные. Разве выдержит сердце настоящего русского человека при виде этих умоляющих невинных глаз? Их отцы, старшие братья ушли в банды, их, очевидно, мало беспокоила судьба оставшихся детей. Я позже задавал вопросы задержанным бандитам о причинах такого отношения к детям, и ответ меня поражал:

– На все воля Аллаха, Аллах дал – Аллах взял. Ни больше, ни меньше.

Мы отдавали детям свои пайки, мыло, одежду, обувь. Они зимой ходили в калошах, а ведь зимой бывает и до 20 градусов ниже нуля. Меня удивляло и другое: такой трудный язык, как русский, дети осваивали за год-другой и были переводчиками при нашем общении со взрослыми. Дети – неутомимые труженики. Солнце еще не встало, а они уже собирают курай (траву) для растопки печки, пасут скот, продают воду, сигареты, разносят товары по заказам. Поражала их честность: никогда ребенок не брал лишнего, всегда надеясь на бакшиш – подарок, скорее чаевые по-нашему. Мы

все, имеющие детей в Союзе, старались хоть капельку своей тоски по дому скрасить общением с афганскими детьми. А изверги-душманы использовали их для сбора разведданных о наших войсках, готовили из них убийц, диверсантов. А учитывая то, что они физически были менее развиты, чем наши дети, и выглядели младше, они не вызывали у нас подозрений, что было на руку душманам. Но дети во всем мире, по-моему, одинаковы. Из этих полуголодных, любопытных должны были вырасти хорошие помощники народной власти. И мы делали все для того, чтобы в нас они видели прежде всего друзей.

Прилетев в Файзабад, я зашел в местный ХАД, представился начальнику, обговорил с ним варианты взаимодействия и собрался просить его довезти меня в мотострелковый полк, расположенный на другой стороне речки. До полка было километра три, но дорога шла между кишлаками, а это, как говорят...

Но в это время подъехал уазик, за рулем сидел бородатый майор, который спросил, не надо ли кому в полк. В сидящем майоре я с трудом узнал Валерия Нестерова, не узнал и он меня, ну просто не ожидал, что я попаду снова в Афган, подумать не мог и в первый момент просто опешил. Вот была встреча! Валера – уже майор и начальник штаба полка, награжденный орденом Боевого Красного Знамени. Я удивился такому быстрому росту, но не менее был удивлен и Валера.

Поехали в полк, по дороге Валера рассказывал новости, были и хорошие, и грустные. Погибло несколько офицеров, которых я знал еще по вводу войск и жизни в Файзабаде. Были и потери среди солдат срочной службы. На войне как на войне.

Была суббота, время послеобеденное, в полку была баня, и мы с Валерой сразу подъехали к ней. Она была построена на берегу речки из камней, вился дымок. Сидели чистые, довольные офицеры и прапорщики. Кубатов и Елизаров чуть не упали в обморок, когда увидели меня, и как были мокрые, так и обнимали, тискали, что-то кричали. Я ведь был оттуда, с Родины, где они не были около двух лет.

Я привез с собой водочки, закуска нашлась на месте, и мы долго не могли успокоиться, вспоминая нашу жизнь до войны. В основном говорили ребята. Я слушал все, что они говорили, надо было сразу писать в учебник по контрразведывательной деятельности, так как такого в Союзе и присниться не могло.

Жили ребята уже в деревянном домике, имели мотоцикл К-750В, который знали все в гарнизоне, знали его и душманы. Саша Елизаров за рулем, Джумалы Кубатов в коляске, на груди бронежилеты – и этот экипаж пылил по дорогам провинции Горный Бадахшан. Работали ребята хорошо, знали всех главарей бандформирований, получали своевременную информацию об их планах и помогали командованию в проведении боевых операций без потерь. Время их пребы-

вания в Афганистане подходило к концу, они ждали замены. У Саши в Союзе родилась дочь, и он ее еще не видел, она жила в городе Алма-Ата. Джумалы рассказал, что семья получила квартиру в городе Фрунзе, жена воспитывала дочь и сына. Фото висели у каждого над рабочим столом.

Джумалы и Саша ввели меня в курс дела по провинции, мы обговорили вопросы взаимодействия, так как я все же далеко нахожусь от эскадрильи и может возникнуть ситуация, когда нужно оперативное вмешательство, а ребята всегда рядом.

Мы еще раз съездили в ХАД, где я познакомился с нашими советниками и партийным советником, который определял всю жизнь города. Власть наших партийных советников была больше, чем я ожидал в мирной жизни, ни одно решение афганское руководство не принимало, если не было одобрения партийного советника. Он был и царь, и бог в Афганистане, вершил судьбу страны. Но и жилось им непросто: на них велась настоящая охота, их обстреливали, устраивали засады. Мужественные ребята, ведь жили они среди афганцев и надеяться могли только на себя, так как афганских подразделений рядом не было.

В полку была связь с Кабулом, я доложил начальнику о своем нахождении в Файзабаде, о результатах контактов с местными коллегами и через три дня вернулся в Кундуз.

Здесь меня ждал сюрприз: по замене из САВО прибыл Женя Михайлов, майор, работавший в соседнем гарнизоне,

с которым я был хорошо знаком. Женя ростом более 180 см, весом более 100 кг, и ему не нашлось подходящего обмундирования в полку, куда он прибыл по службе. Когда Женя пришел ко мне и я увидел, что он совсем не похож на бравого оперработника, мы пошли на вещевой склад вертолетного полка и подобрали ему подходящую авиационную форму и технические туфли, после чего он смог приступить к работе, так как в той форме, что мы носили в Союзе, работать не было никакой возможности.

Жара стояла 40 – 45 градусов, кругом пески, и от них воздух прогревался еще больше, а наша форма была до того универсальной, что в ней служили и на севере, и на юге и плевать было нашим тыловикам на то, что мы задыхались от жары и от неудобной одежды. Да и в бою она была до того неудобной, что мы одевались кто во что горазд – и в спортивную одежду, и в техническую, а она оказалась самой удобной. Вообще, в авиации все было намного добротнее и удобнее, чем в других родах войск.

Женя ожил и стал похож на бывалого воина. Правда, похудеть ему удалось не сразу, но зато потом в его мундир можно было завернуть двух таких Михайловых, так он похудел.

В обслуживание Жене дали зенитно-артиллерийский полк, командиром которого был выпускник Оренбургского зенитно-артиллерийского училища, которое заканчивал и я, но четыремя годами позже. Мы познакомились, часто встречались, и это помогало Жене в работе в полку, так как ко-

мандир полка относился к его информации очень серьезно и оперативно реагировал на нее. Да и сам Женя был опытным работником и предоставлял командованию информацию о местах дислокации банд, точках ДШК (крупнокалиберные зенитные пулеметы), складах оружия и боеприпасов и так далее.

Я недолго прослужил в гарнизоне Кундуз и впоследствии слышал только хорошие отзывы о майоре Михайлове. Дела у него шли хорошо, и он был представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Начальник вызвал меня в отдел в Кабул на оперативное совещание, где я доложил о результатах работы в полку, получил ценные указания и убыл назад в Кундуз. В то время проводились боевые операции в провинциях Кундуз, Горный Бадахшан, и мои летчики (я так позволю себе их называть, так как жил вместе с ними, делил хлеб и соль) совершали по несколько вылетов в день на удары по позициям душманов.

Через день мы с командиром полка, замполитом, комэсками вылетели на командный пункт 40-й армии к руководителю боевой операцией генерал-майору Винокурову. Нам поставили боевую задачу на ближайшие дни, и мы засобирались назад. Но тут доложили, что подбит один из наших вертолетов. Пули пробили топливопровод, центральный провод электропитания, и вертолет начал падать. Командир экипажа сумел на авторотации посадить его на маленький кусочек

дороги. К нему тут же кинулись душманы, но ведомый зашел с тыла и разом охладил их пыл. Душманы стали обстреливать ведомого. Старший лейтенант Константинов маневрировал, наносил удар ракетами и пулеметами, а в это время из Кундуза уже вылетала другая пара с работниками ТЭЧ и запасными частями. Пока Константинов отгонял душманов, ребята выбрались из вертолета и заняли круговую оборону. Вояки из них, конечно, слабые, но все же они отбивали атаки до прилета подмоги. Потом Константинов улетел, так как кончались горючее и боеприпасы, прибывшие ребята занялись ремонтом вертолета, и через четыре часа они поднялись в воздух и благополучно прибыли в полк. Константиновский экипаж и подбитых ребят представили к наградам.

Джамбулский полк (так его называли в Афганистане) прибыл из города Джамбула Казахской ССР вместе с гражданским персоналом, и эти люди воевали вместе с офицерами и прапорщиками, жили той же тревожной и опасной жизнью, получая совсем другие деньги и не имея льгот. В этом полку первыми получили звание Героя Советского Союза подполковник Гайнутдинов Вячеслав и майор Щербаков Василий, 80 процентов офицеров и прапорщиков награждены орденами и медалями СССР, причем боевыми. Отвоевав около двух лет, полк подлежал замене, и в августе 1981 года оставшиеся в живых летчики, техники и гражданский персонал улетели на Родину, а вместо них прибыл вертолетный полк из города Нерчинск Забайкальского военного округа. Ребя-

та необстрелянные, не воевавшие в горных условиях. День и ночь гудели над гарнизоном вертолеты, летчики отрабатывали взлеты и посадки, десантирование личного состава и многое другое, без чего нельзя выпускать экипажи на боевые вылеты, так как экипажи неопытные, а душманы-то остались те же, с огромным боевым опытом. Так что мелочей в подготовке не было, цена ошибки – жизнь. Это я пытался внушить каждому экипажу и техникам, их готовившим.

Для этих ребят я был человеком бывалым, так как прожил в Афгане уже несколько месяцев, и все, что я им говорил, они воспринимали серьезно. Наша контора давала им данные о местах дислокации банд, складов с оружием и боеприпасами, о продвижении караванов с оружием, о местах проведения совещаний главарей бандформирований и многое другое. На добывание этих ценнейших сведений были нацелены усилия сотрудников ХАДа, партийного аппарата, защитников революции. Тысячи людей, рискуя жизнью (а у душманов расправа была короткой и жестокой), добывали и передавали народной власти по крупицам собранные сведения и снова уходили в распоряжение бандформирований.

Сейчас, очевидно, еще не время подводить итоги и воздавать должное этим героям, но уверен, что будущие поколения афганцев будут учиться у них верности идеалам революции, поставят памятники тем, кто погиб в застенках душманской службы безопасности.

Много информации как командованию полка, так и руководству Особого отдела 40-й армии выдавал и я, получая ее из различных источников, в том числе и из афганского ХАДа, Царандоя (милиции), от партийных советников, с которыми сложились хорошие отношения. Я ведь родился и вырос в Средней Азии, знал обычаи мусульман, и у меня не возникало проблем в общении с ними, а это было 60 процентов успеха в работе, так как у афганцев развито уважение к старшим как по возрасту, так и по должности, а моя должность по их меркам была ой какой большой.

В один из дней августа, 3-го или 4-го, я утром пришел на командный пункт полка, смотрю: на цементном полу около входа на СКП лежит офицер в форме Царандоя, на вид русский, весь желтый такой, явно больной. Спрашиваю, что делает здесь этот человек и кто он. Солдат отвечает, что вчера привезли его какие-то люди, оставили здесь лежать, сами уехали. Проверил документы – майор Барласов Александр Михайлович, сотрудник МВД, здесь же документы о том, что он болен желтухой и направляется на лечение в СССР. Но почему он лежит здесь и один – непонятно. Ведь еще немного – и он умрет, так как уже бредит. Я вызвал врача из санчасти полка, но тот сказал, что его надо как можно скорее отправить в госпиталь и лечить его здесь нет возможности. Я спросил, что у нас есть сегодня на Ташкент. Дежурный доложил, что готовится к вылету Ан-24, на котором отправляется в Ташкент комиссия из 201-й дивизии, а следу-

ющий – только завтра.

Я пошел на стоянку самолетов, где копошились техники, готовя самолет к вылету, и, подойдя, увидел нескольких человек в советнической форме, что могло означать только одно – что это большие начальники. Представился, спросил, кто здесь старший. Один из офицеров сказал, что он, и спросил, в чем проблема. Я ответил, что надо с собой забрать одного офицера и доставить его в Ташкент, в госпиталь. Когда они узнали, что больной гепатитом будет лететь с ними, мне пришлось услышать о себе такое, чего я никогда не слышал за столько лет службы. Мне было сказано, что никого они брать не будут и чтобы я здесь не командовал, так как он генерал и решает сам, что делать и кому, с кем и когда лететь.

Ну тут и я не выдержал, не стал спорить с генералом, а пошел на СКП и дал команду: без моего разрешения борт в Союз не отправлять и подготовить к отправке в Союз Барласова – с генералами или без них, но офицер должен улететь.

В Афганистане роль сотрудника Особого отдела была уникальной – он вершил такие дела, о которых в Союзе даже думать было страшно, от него зависело, будут ли летать в Афганистан экипажи, которые честно исполняли свой долг, или не будут. А большинство экипажей – это молодые люди в звании старших лейтенантов – капитанов, которые желали помочь воюющим пехотинцам, с уважением и пониманием относились к сотрудникам Особого отдела, и поэтому, когда я приказал сделать то, что нужно было по ходу ситуации, они

все сделали правильно, послушались меня.

Ко мне пришло сразу несколько старших офицеров, они называли свои должности и звания, грозили всеми карами, какие меня ожидают в случае, если я не дам команду на вылет борта. Послушал я их и ответил, что борт улетит только с Барласовым, даже без них. А поскольку я офицер совсем другого ведомства, со мной разбираться будут мои начальники. И угрожать мне бесполезно, я в Афганистане, то есть у себя дома, а им надо к себе домой, не дай бог ночью начнут обстреливать гарнизон.

Посоветовавшись, они заявили, что я отвечаю за самоуправство, но позже, а пока они подчиняются произволу офицера КГБ и забирают Барласова. На препирание ушло более пяти часов, и все же Барласов был отправлен в Ташкент. Командиру экипажа я сказал, чтобы он лично передал больного врачам, иначе ему никогда больше не летать в Афганистан. Он четко все выполнил и по прилету доложил, что сдал больного военным врачам. А у меня через несколько дней начались проблемы. Господа офицеры выполнили свои обещания и доложили о моем проступке по команде, и ко мне прилетел заместитель начальника Особого отдела КГБ по 40-й армии полковник Табратов Владислав Павлович.

Владислав Павлович внимательно выслушал мое объяснение, поговорил с офицерами полка, с командованием и попросил меня провести по зоне ответственности полка. Я поговорил с командиром полка, и на утро были заказаны два

вертолета Ми-8.

Утром, в 6 часов, мы уже летели над провинцией Кундуз, Табратов на ведущем, я на ведомом вертолете. Минут через десять была замечена группа людей с оружием. Увидев вертолеты, они бросились врассыпную и начали палить по ним. Вертолеты зашли на боевой курс, и началась карусель. Заходили со стороны солнца и работали НУРСами, пулеметами. Вначале ведущий, потом ведомый, и наоборот. Бой продолжался минут 20 – 25, в живых не осталось никого. Доложили на КП о результатах и полетели далее в город Файзабад, где Табратов познакомился с жизнью эскадрильи вертолетчиков полка. Под вечер мы вернулись назад в Кундуз.

Владислав Павлович проработал в гарнизоне до вечера, записал все мои объяснения по поводу конфликта с офицерами из штаба ТуркВО, поговорил со мной о делах в полку и предупредил, что после доклада начальнику Особого отдела 40-й армии меня, очевидно, вызовут к нему на беседу. Я не сильно закрутил, так как не считал, что совершил что-то такое, за что можно отхватить взыскание. Но как говорят, начальству виднее, да и в конфликт вовлечены те, кто близко стоит к руководству Особого отдела КГБ по ТуркВО, а как там решат, кто его знает.

Вечером ко мне подходит командир звена и спрашивает:

– Слушай, Николай, кого мы сегодня возили целый день?

– Заместителя начальника Особого отдела 40-й армии полковника Табратова.

– Ну блин, ни за что бы ни поверил!

– А что такое?

Володя рассказывает:

– Взлетели, летим. Минут через десять замечаем группу вооруженных людей, скрытно приближающихся к дороге. Увидели вертолеты и разбежались, стали стрелять по вертолетам. Я пытаюсь доложить на КП и получить разрешение на атаку, но Табратов командует: «Атакуй!», сам за автомат, открывает блистер и давай палить по душманам. Я команду ведомому прикрыть и атакую. Дал залп из НУРСов, душманы побежали дальше, ведомый добавил, остались еще живые. Так пока я зашел на второй круг, Табратов уже сидел на месте стрелка и из пулемета уничтожил их всех. Мы спрашиваем его: «Вы, наверное, раньше служили в авиации? Уж больно четко все получилось». Владислав Павлович улыбается и отвечает, что сейчас в первый раз сидел за пулеметом. Никто, конечно, не поверил. Он пригласил нас в гости в Кабул, мы еще больше засомневались. Он тогда говорит: «Спросите у Дуюнова, он вам подтвердит».

Я сказал, что все правда, такой у нас зам.

Позже я спросил у Владислава Павловича, действительно ли он в первый раз наносил удар по душманам. Он заулыбался и сказал, что приходилось не раз летать на боевые операции, налетал более сотни часов и поэтому знаком с вооружением вертолета и практически его применял не один раз.

Через несколько дней меня вызвали в Кабул в Особый от-

дел КГБ по 40-й армии к генералу Божкову Сергею Ивановичу, который второй год находился в Афгане и решал все вопросы своих подчиненных.

Беседа была своеобразной: разговаривали больше не об инциденте в Кундузе, а о делах в полку, об образовании и так далее.

Меня поразило, что меня похвалили за настойчивость и принципиальность при решении вопроса с Барласовым, за то, что не сплеховал перед заместителем командующего округом, а я ведь не знал, что это был он, остались довольны отзывом Табратова о моей работе в авиаполку и спросили, как я попал в авиацию, ведь закончил ракетное училище. Я ответил, что по образованию я офицер по эксплуатации радиооборудования летательных аппаратов и поэтому много лет обслуживал авиационные части, имею классную квалификацию техника по эксплуатации самолета и двигателя.

Затем со мной беседовал замначальника Особого отдела КГБ по ТуркВО полковник Румянцев Виктор Дмитриевич, который постоянно находился в Афганистане и имел большие полномочия, в том числе и в решении кадровых вопросов.

В течение четырех дней я находился в Особом отделе армии, где меня загрузили по полной программе – аналитические документы, беседы по различным вопросам оперативной деятельности, кадровые вопросы и так далее. Затем меня вновь пригласили к руководству Особого отдела армии

и объявили, что пришли к выводу о необходимости выдвижения меня на вышестоящую должность. А с учетом того, что я уже находился в резерве на выдвижение, это решение утверждено руководством Особого отдела по ТуркВО и 3-го главного управления КГБ СССР в Москве, о чем мне и было объявлено здесь же.

Так был оценен мой скромный вклад в дело помощи Афганской революции, и через несколько дней, когда я находился вновь в Файзабаде, была дана команда сдать дела новому оперуполномоченному, а самому прибыть в Кабул.

В полку были удивлены, так как такие перемещения в Афганистане были крайне редки на тот период, ибо существовала реальная необходимость пребывания того или иного офицера на одном месте, поскольку он владел обстановкой, знал людей и мог уже самостоятельно действовать в динамичной обстановке боевого времени. Но как бы то ни было, через четыре дня я сдавал дела другому работнику.

Жаль было расставаться с ребятами, с которыми подружился за эти месяцы, летал с ними на удары, помогал, чем мог, иногда возникала мысль: может, и не стоит уходить с этой должности? Ведь я здесь самостоятелен в принятии решений, да и коллектив привык ко мне, обстановку я знаю, знаю поименно главарей бандформирований, их места дислокации, методы враждебной деятельности. Но с другой стороны, ведь я офицер контрразведки, приобрел боевой опыт, а значит, должен расти и передавать приобретенный опыт

другим. А это возможно только на должности с большим объемом работы.

Наш быт в Кундузе был непростой, так как только-только стали создаваться сносные условия жизни для летчиков. Из землянок они перебрались в одноэтажные модули с кондиционерами, налаживалось питание. Летчик – это уникальный человек. К нему отношение другое – он ежедневно рискует жизнью, взлетая в 50-градусную жару, на высоте испытывает огромные перегрузки, да еще «маленькие неприятности» – стрельбу по нему со всех видов оружия. Поэтому он должен быть всегда в форме. Ми-8 устроен таким образом, что вся его броня – это умение летчика вовремя выйти из-под обстрела и нанести точный удар своим оружием. Позже Ми-8 были оборудованы бронеплитами со стороны командира и штурмана, но решающим по-прежнему осталось летное мастерство экипажа. Особая роль отводилась стрелку – он должен уметь стрелять со всего вооружения вертолета, а это и пушка, и курсовые пулеметы, и НУРСы. Вы видели, как наносит удар вертолет? Как он падает на цель? Нет? Вертолет штурмует цель в пикировании так же, как и самолет, с той только разницей, что выход из пикирования у него осуществляется, конечно, по другим законам, так как у него все-таки лопасти, а не плоскости и реактивный двигатель. И поэтому в момент пикирования и вывода из него на вертолетчика действуют большие перегрузки. Да и скорость выхода не та, что у самолета. А если кругом горы, вертолет на-

носит удар до высоты 300 – 500 метров, и в момент вывода его из удара он зачастую никак не защищен от града пуль и снарядов душманов. Никакие парашюты не могли помочь экипажу, если в него попадала очередь ДШК, а горы довершали разрушение, так как времени покинуть вертолет просто не было. Вот и получалось, что на три жизни у них была только одна смерть. Такая вот неправильная арифметика.

Поэтому отношение к этим молодым ребятам, ежедневно рискующим жизнью, со стороны всех категорий должностных лиц было особенно трогательным. И тем острее была горечь утрат. Когда мы глядели на фотографии погибших друзей, возникало какое-то чувство вины перед этими героями, хотелось сделать все для того, чтобы, вылетая на удар, они знали силы и средства ПВО душманов, чтобы отдохнули хорошо, чтобы не волновали их вопросы готовности техники, вооружения. Это и были уже мои вопросы, ради которых я находился в Афганистане. И пусть простят меня те, кому я попортил не один литр крови, заставляя делать все для обеспечения нормального быта летчиков, для организации ремонта и профилактики техники. Для многих моя работа была незаметной, но делал я ее каждый день и смею заверить, что не все там было просто. Воровали продукты, предметы быта, пьянствовали, ссорились, и на все это надо было реагировать немедленно и жестко. Ставка была слишком высокой – жизнь экипажа летчиков. И в том, что число сбитых экипажей почти не увеличилось, была и доля моего

труда.

Никогда не забыть мне тех прожитых дней в этом боевом полку, давшем Родине двух Героев Советского Союза, большое количество кавалеров боевых орденов и медалей. Но впереди были другой гарнизон, другой род войск и другой коллектив, в котором я по-настоящему нашел разницу между авиацией и пехотой, между сотней километров в авиации и сотнями метров в пехоте, где острее проявлялась взаимовыручка, психологическая совместимость, где положительные и отрицательные качества становились видны буквально через несколько дней. Впереди была 108-я мотострелковая дивизия, впереди был Баграм.

Баграм

Ан-24 заходил на посадку в аэропорту Кабул под вечер. Ярко сияли пики вершин, окружающие город. Пыль висела в знойном воздухе и тоже светилась. Самолет покатил по полосе, мелькнули палатки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, стоянки вертолетов с нашими опознавательными знаками и знаками афганской армии, и вот – остановка. Я вышел из самолета, огляделся. Никто меня не встречал, хотя было сказано, что встретит начальник Особого отдела КГБ по 108-й дивизии подполковник Садыкбаев Исакджан Усманович.

На посадку заходила пара вертолетов, и раздались крики: «Баграмские». Лежавшие на траве офицеры, солдаты бросились к вертолетам. Я еще раз огляделся – никого уже и нет. Ночевать на аэродроме не хотелось, и я подошел к командиру экипажа, объяснил, что лечу в Баграм. Поскольку я был в форме офицера авиации, то вопроса не возникло, и взревев двигателями, через пять минут мы уже летели через гору, затем по ущелью в Баграм. Весь перелет занимал порядка 30 – 40 минут, вертолет бросало из стороны в сторону, но я уже привычно сидел и думал об одном: что меня ждет впереди? Как встретит коллектив, подойду ли я им, справлюсь ли с новыми обязанностями? В общем, было над чем задуматься. Но что-то говорило: не бойся, ты готов к этому,

опыт есть, с людьми работать умеешь, знаний достаточно. Все-таки десять лет оперативной работы что-то да значат, из них восемь – старшим оперуполномоченным.

Солнце зашло быстро, в темноте садились на аэродром. О Баграме я кое-что знал, даже однажды, добираясь в Кабул, около часа находился на аэродроме во время разгрузки.

Вертолет зарулил на стоянку, мы вышли из него, офицеры, солдаты пошли куда-то к дороге. Я спросил командира экипажа, где находится телефон, он показал на СКП, и я пошел туда. Офицер, дежуривший на СКП, показал на телефон, который связывался с КП дивизии, и попросил соединить с Особым отделом дивизии. На другом конце провода спросили, что надо. Я объяснил ситуацию, меня с кем-то соединили, затем я попросил соединить меня с Садыкбаевым. Мне ответили, что его нет, он в Кабуле. Я спросил, с кем говорю. Ответили, что это прапорщик Небрятенко. Я сказал, что прибыл на должность заместителя начальника Особого отдела дивизии, фамилия моя Дуюнов. Маленькая пауза, затем вопрос, где я нахожусь, и просьба никуда не уходить.

Военная прокуратура дивизии готовится к боевому выходу,
сентябрь 1982 г., город Баграм

Я присел на самодельную скамейку, огляделся. В сумерках были видны грозные боевые машины, далее стояла большая группа самолетов Ан-12. Ни огонька, только за дорогой, куда ушли офицеры, виднелись освещенные здания. На меня никто не обращал внимания. Каждый занимался своим делом.

Показался движущийся огонек. К стоянке подкатил БТР, с него спрыгнул высокий, подтянутый военнослужащий, который, подойдя ко мне, представился: прапорщик Небратенко, секретарь отдела.

Солдаты подхватили мои вещи, мы взобрались на БТР и поехали. Дорога через гарнизон, где дислоцировались афганские и советские вертолеты, самолеты, была разбитой, но БТР легко преодолевал все ухабы. Проехали минуты три-четыре, и впереди показался шлагбаум, он был едва освещен. Раздалась команда по-афгански:

– Дрыщь! (Стой!)

Ответ по-русски:

– Шурави!

Афганский солдат поднял шлагбаум, и мы проехали пост, кишлак, затем поворот налево через мостик – и вот, нас встречают советские солдаты. Въехали в городок, еще поворот направо – и остановились. Солдаты подхватили вещи, куда-то понесли, а мы пошли в модуль. Зашли в коридор, звонок – и мы в отделе. Два вооруженных солдата стояли перед дверями, еще один вооруженный ходил по коридору. Мне объяснили, что он охраняет военную прокуратуру, расположенную в этом же здании.

Офицеры, находившиеся в отделе, представились:

– Капитан Петенко!

– Майор Головкин!

– Старший лейтенант Подлесных!

– Майор Рыбников!

– Капитан Медведев!

Передо мной стояли подтянутые, улыбающиеся офицеры, во взглядах которых светилось любопытство: «Кого это нам

прислали?»

Я также представился, поздоровался с каждым из них, спросил, как они живут, где начальник.

Петенко Александр пояснил, что подполковник Садыкбаев находится в Кабуле и должен был встретить меня на аэродроме, но наверное, мы разминулись.

Мне показали мой кабинет, провели по отделу. Везде на окнах решетки, в кабинетах оружие работников, сейфы, телефоны. В общем, почти мирная обстановка. Если не считать того, что мы находились в центре провинции Парван, где активно действовали банды душманов. Дня не проходило, чтобы они не напали на проходящие колонны, не обстреляли наши боевые посты.

Город Чарикар, центр провинции Парван, находился от нас в семи-восьми километрах, но проехать туда было не так просто. Сколько на этом пути было убито и ранено наших и афганских солдат и офицеров, сожжено машин, это надо было видеть. Остовы некогда богатырских машин, обгоревшие и искореженные, лежали в кюветах около дороги Кабул – Хайратон, Туркмения. Дорога вся в ямах, выгоревшая местами до грунта. Чарикар подвергался почти ежедневно нападениям и обстрелам из всех видов оружия. В расположенных рядом кишлаках живут офицеры, но там же располагаются и банды, совершающие нападения и обстрелы. Та же многопартийность банд, но одна цель – уничтожение народной власти, а заодно и нас.

Все это мне рассказали Петенко и Подлесных. Первый работал в разведбате дивизии, а второй – в районе города Джабаль-Уссарадж. Чтобы добраться до Джабалья, так сокращенно называли Джабаль-Уссарадж, надо было проехать Чарикар, затем Зеленую зону, о которой ходили легенды среди душманов. Зона располагалась между Чарикаром и Джабалем. Города расположены вдоль дороги, около гор, а зона в низине между ними и далее выходила в долину. Речка разделяла зону как бы на две половины. Это действительно была зеленая зона, так как кишлаки утопали в зелени деревьев. Особняки окружены деревьями и виноградниками. Населения проживало в зоне около 40 тысяч человек.

По дороге Хайратон – Кабул в древние времена пролегли караванные пути, ведущие в Пакистан, Индию, Китай. В зоне проживало большое количество лиц, промышлявших разбоем на дорогах. Этим они занимались даже во времена правления Захир-шаха, встали на путь бандитизма и при народной власти. Бандиты были мобильные, имели хорошую стрелковую подготовку, и грех было заправилам агрессии против народного Афганистана не использовать эту силу в своих подрывных целях. И они использовали.

Гремели взрывы, горела земля. Проклятия неслись из многих кишлаков в адрес бандитов из Зеленой зоны. Обстреливали они и гарнизоны наших войск, совершали диверсии перед въездом на перевал Саланг, а Джабаль – это ворота Саланга.

Об этой «дороге жизни» у нас написано много статей, показывалась жизнь наших воинов по телевидению, особенно много рассказывал первый командир батальона подполковник Хабаров, который знает эту жизнь не понаслышке и которого знал и я.

Преобладающей партийной силой у бандитов в нашем районе являлось Исламское общество Афганистана, которым руководил доктор Раббани, а командующим фронтом ИОА являлся 32-летний Ахмад Шах Масуд.

Почему фронт? Да потому что главная дорога шла через перевал Саланг и далее уходила на север к городам Пули-Хумри, Талукан, Ханабад, Мазари-Шариф и далее в СССР, откуда осуществлялось снабжение наших войск всем необходимым для жизни и войны. Начиная от боеприпасов и кончая углем и дровами для отопления палаток и землянок.

Особо надо сказать о Панджшерском ущелье, протянувшемся на десятки километров с юга на северо-восток и до Пакистана. Вот здесь и были сосредоточены основные силы душманов, их склады с оружием и боеприпасами, питанием, типография, даже собственная тюрьма. Отсюда планировались все операции против наших войск, против народной власти, уничтожение партийных, советских руководителей, засылалась агентура для сбора данных о наших войсках и вооруженных силах ДРА.

Сложное время было – сентябрь 1981 года. Сложная об-

становка требовала и каких-то радикальных мер. Но это потом. А пока я внимательно слушал этих ребят, в душе восхищаясь их мужеством, энергии и тому, что они совершали. Передо мной сидели обычные на первый взгляд офицеры, но это только на первый взгляд. Саша Петенко уже был награжден орденом «За службу Родине» II степени, а Володя Подлесных был легендой дивизии.

Каждый из них не раз смотрел смерти в глаза, и косая отводила взгляд. Впоследствии я не раз убеждался в их беспримерной храбрости, умению принимать единственно правильное решение и всегда с уважением относился к этим ребятам. Рядом с ними нельзя было быть не такими, как они. Передо мной стояла непростая задача. Думаю, что я ее решил, так как и Саша, и Володя до конца оставались преданными моими друзьями. Оставшийся в живых Саша Петенко это подтвердит.

Часа через два в отдел зашел подполковник Садыкбаев. Я доложил, что прибыл к нему в качестве заместителя. О Садыкбаеве отдельный рассказ, а тогда он пригласил меня в кабинет, и мы долго обсуждали дела, которые мне необходимо было решать уже в новом качестве. Исакджан Усманович был доволен тем, что в качестве заместителя прибыл офицер из САВО, откуда и он, вдобавок из Киргизии, откуда и он. Пошли к нему в модуль, где он жил, выпили водочки и легли спать только под утро. Утром я проснулся часов в пять, вышел на улицу и в утреннем свете рассматривал гарнизон.

Улицы, конечно, никакой не было. Отдельно, огороженный каменным забором и проволокой, стоял штаб дивизии, затем шли модули офицеров, палатки солдат, из которых выбегали солдаты на зарядку, что было обязательным элементом жизни военного человека. После разминки солдаты и офицеры занимались рукопашным боем, затем умывались, шли на завтрак и потом на службу.

С этого началась моя жизнь в этом прославленном соединении, ведущем историю с Великой Отечественной войны и воспитавшем немало героев уже в наши дни.

Постояля у стеллы с именами воинов, погибших в боях за независимость Афганистана. И подумалось вот о чем. Пройдут годы. Может, десятки лет. Победит афганский народ и воздаст должное всем, кто погиб за его свободу, в том числе и нашим ребятам. Их имена высекут на граните, и благодарные потомки будут приходить к этим памятникам отдать дань уважения их мужеству и стойкости в то трудное для афганского народа время.

Утром подполковник Садыкбаев представил меня командиру 108-й дивизии полковнику Миронову Валерию Ивановичу, начальнику политотдела дивизии подполковнику Фёдорову Виктору Сергеевичу, начальнику штаба полковнику Касымову Турсуну Юлдашевичу, познакомил с заместителями командира дивизии полковником Бондаренко Владимиром Николаевичем, полковником Бойко, с военным прокурором дивизии майором Шкодой, следователем майором

Корякиными, другими должностными лицами.

Естественно, я сразу не мог всех запомнить, но меня они запомнили, так как я был в Афгане не первый день, а это что-то да значило.

Я и начальник политотдела 108 мсд 40-й армии полковник Федоров Виктор Сергеевич, его заместитель и другие офицеры политотдела.

Кишлак Астана, Панджшер, 1 сентября 1982 г.

О каждом из этих офицеров можно было писать книгу, так как они на голом месте создали быт воинов, обучили их тому, что нужно в бою, водили их в атаки, лечили раненых, оказывали моральную поддержку слабеющим духом.

В том, что здесь нужно иметь огромный душевный запас сил, я впоследствии убедился сам. У каждого из нас в Союзе остались семьи – жены, дети, внуки, родители, другие родные. Сказать, что у нас в Афганистане все было хорошо – значит сказать неправду. Это значит, что тот, кто прочтет эти строки, скажет, что этот человек либо не знает жизни в Афганистане, либо беззастенчиво врет.

По вечерам я видел, с какой грустью смотрели эти с виду суровые воины на фотографии близких, с какой нежностью они читали письма, сколько невысказанного было у них в глазах. И думалось: пусть у каждого из них будет все благополучно в семьях, пусть дождутся их любимые, пусть будут верны супружеской клятве жены, пусть порадуются возмужанию сыновей их матери, пусть у детей будут живы любящие их отцы.

Ох, далеко не до каждой супруги доходили эти молитвы, и я видел, как горько переживали измену близких эти не гнувшиеся в суровых испытаниях люди. Этот груз мог раздавить слабого духом, и мы помогали друг другу, чем могли, в такие моменты. Предоставляли возможность побывать дома, просили прояснить ситуацию через военкоматы, политработников просили провести беседы по месту прежней службы с супругой, и бывало, что оживал человек.

Такие случаи было не утаить в коллективе, и они отрицательно действовали на окружающих, так как у каждого из нас в гарнизонах оставались семьи и возникала предательская

мысль: а как там дела у меня в семье? И не спрятаться от этого вопроса, и не получить на него правдивого ответа. Вот как здесь быть?

Единственное, что помогало – так это наш жизненный оптимизм и святая вера в будущее. Мы верили, что наши семьи – самые лучшие, жены – самые верные, так как здесь переоценили многое и в себе, и во взаимоотношениях с близкими. Это помогало выстоять в той буре испытаний, которая выпала на нашу долю. Мне не хочется, чтобы эти строки читали те донжуаны, которые, пользуясь нашим отсутствием, соблазняли наших жен и будут смеяться над моими рассуждениями о долге, чести, верности. Они не достойны, чтобы я называл их здесь поименно, я их просто презираю.

Те, кто был в Афганистане, становились чище душой, и они заслуживают того, чтобы их любили достойные женщины, жены.

Без этого отступления трудно будет объяснить ту атмосферу, которая сложилась среди офицеров, находившихся в Афганистане.

Дел в отделе было очень много, мне надо было познакомиться со всеми оперработниками дивизии и начать практическую работу по руководству деятельностью Особого отдела. На заместителя начальника Особого отдела возлагалась обязанность по ведению контрразведывательной работы в штабе дивизии, по руководству частью оперработников, а точнее – большинством оперсостава, так как Исакджан

Усманович готовился к замене в Союз и мне хотелось его разгрузить, ведь он честно отвоевал свое. Он не возражал, скорее радовался тому, что прибыл такой работающий человек. А скажите: чем еще можно заниматься в Афганистане, где ты 24 часа на службе, где нет разницы, где ты находишься – в дивизии или в полку – ты всегда на службе, и даже отдыхая, ты на посту, тут же твое оружие и твое рабочее место?

108-я мотострелковая дивизия была введена в числе первых соединений в Афганистан из Термеза, прошла своим ходом до города Кабул, где и оставались ее полки до настоящего момента. Вводом дивизии руководил генерал Кузьмин, затем его сменил полковник Миронов В. И. 180-й, 181-й мотострелковые полки, артиллерийский полк, зенитно-артиллерийский полк дислоцировались непосредственно в Кабуле, в районе Хайрхона, по-русски – Теплый Стан, охраняя Кабульский элеватор, тюрьму Пули-Чархи, ГЭС Наглу, дорогу на город Суруби и сам городок до стыка с 66-й Джалалабадской десантно-штурмовой бригадой, а штаб располагался в гарнизоне Баграм. Это мощнейшая авиационная база Афганистана, где размещались три четверти авиации Афганистана и наша авиационная ударная группировка. Здесь же дислоцировался 345-й парашютно-десантный полк – знаменитый полк, которым командовали Герои Советского Союза Кузнецов, Грачев, Востротин, Самонов, где служил Лебедь Александр Иванович и многие из тех, кем гордятся воздушно-десантные войска и с кем мне пришлось общаться в пе-

риод работы в Баграме.

Дивизия несла охрану дороги, ведущей на север через перевал Саланг до стыка с 201-й дивизией, вела боевые действия по уничтожению бандформирований в «зеленке» и в Панджшерском ущелье, где у Ахмад Шаха Масуда было под ружьем более 60 000 регулярных войск. Это была серьезная сила, с которой приходилось считаться, поскольку тактика боевых действий постоянно совершенствовалась, ибо у него были хорошие советники, да и вооружен он был не хуже нас. А о знании местности и поддержке населения и говорить не приходится. У него были все козыри в войне с нами. И вот против такого противника нужно было организовывать контрразведывательную деятельность. Но у него была своя контрразведка, и не хуже нашей, а агентуру он имел везде, в том числе и в Баграме.

С командованием дивизии у меня сложились очень хорошие отношения, о таких отношениях в Союзе можно было только мечтать. Командир дивизии полковник Миронов Валерий Иванович был очень коммуникабельным, доброжелательным человеком, всегда желанным в Особом отделе, от него не скрывалась оперативная информация, он знал всех оперработников не только в лицо, но и по именам и фамилиям, всегда слушал их, бывая в полках, принуждал некоторых командиров полков к сотрудничеству, деловому имеется в виду, для координации работы во время проведения боевых операций, от чего выигрывали в первую оче-

редь командиры полков, уменьшая потери личного состава и выполняя поставленные задачи меньшей кровью. То, что сложились такие отношения между командованием дивизии и Особым отделом – заслуга, конечно, Садыкбаева Исакджана Усмановича, который очень много времени уделял добыче разведданных, установлению деловых отношений между оперработниками и командирами всех уровней, их информации по предполагаемому театру боевых действий, укреплению дисциплины в войсках, повышению политической бдительности.

С начальником штаба полковником Касымовым Турсуном Юлдашевичем Садыкбаев дружил, так как оба были узбеками, а это что-то да значило в этой обстановке, так что все вопросы решались быстро и качественно.

Особо хочу сказать несколько слов о начальнике политотдела дивизии подполковнике Фёдорове Викторе Сергеевиче. Душа коллектива, остроумный, обладающий неутомимой энергией, он постоянно находился в гуще военнослужащих. Если от командиров зависело, каким будет в бою солдат, то от подчиненных Фёдорова зависело, насколько глубоко солдат будет понимать свою роль воина-интернационалиста, ведь он помогал отстаивать завоевания революции и своим поведением притягивал население на сторону революции, утверждал новые для Афганистана отношения между людьми. И Фёдорову с его подчиненными это удавалось.

В Афганистане не было таких понятий, как конец рабо-

чего дня, выходной и так далее. Формально все это было, но практически – о каком конце или начале рабочего дня можно говорить, если душманы использовали ночное время для совершения своих черных дел?

Но сказать, что мы совсем не отдохали, значит покривить душой. Отдыхали, даже изредка фильмы смотрели, слушали концерты приезжавших к нам артистов – Иосифа Давыдовича Кобзона, Аллу Борисовну Пугачёву, Александра Розенбаума и многих других дорогих нам в то время представителей шоу-бизнеса. Но собираясь по вечерам в комнате Исакджана Усмановича, Миронов, Бойко, Бондаренко, Фёдоров, Шкода и другие вновь возвращались к делам дивизии. А дел было очень много, и решать их надо было независимо от времени суток. Здесь же делились новостями, полученными из дома, радовались вместе приятным вестям, огорчались, если кто-то долго не получал из дома писем. Эти вечера превращались в вечера воспоминаний и строительства планов на будущее. Каждый вспоминал какие-то моменты из своей жизни, службы, почему-то запомнившиеся ему, доставал фотографии близких, писал письма. Слышались шутки, смех, звучали наши русские песни. Однако в этом сугубо мужском коллективе особо звучала тема отношения к женщине. К слабому полу у нас было особое отношение. Женщин в Афганистане было очень мало, они наравне с нами переносили все тяготы и лишения сурового быта, холод, жару, отсутствие элементарных условий женского бытия, невозможность про-

явить свои слабости, за которые мы их и любим. Риску они подвергались еще большему, так как мужчина – все-таки воин и в случае обстрела или нападения на колонну или на гарнизон знал, что делать, а женщина могла растеряться. В тех условиях это было равнозначно смерти. С женщинами проводились беседы, занятия, и это давало результаты. Многие из них под огнем душманов доставляли грузы Военторга в дальние гарнизоны, медсестры оказывали первую помощь прямо под огнем, отдавали свою кровь раненым. Мне очень хотелось бы назвать поименно тех девушек, которые отдали свои жизни за светлое будущее афганского народа, но сделать этого не смогу, так как я только слышал об их гибели, а лично их знать не пришлось. В 1982 году руководство вооруженными силами СССР приняло мудрое решение, и в Афганистан было направлено свыше восьми тысяч женщин на должности машинисток, поваров, медсестер, библиотекарей, связисток и так далее. Это решение имело как положительное, так и отрицательное значение для нашей жизни. Положительное – это улучшение питания, медицинского обслуживания, психологического климата в среде военнослужащих срочной службы, офицеров и прапорщиков. Отрицательное – раздор в среде тех же военнослужащих из-за них, так как прибыл такой непроверенный морально контингент, что ссоры начались почти сразу же и принимали порой такие формы, что забот доставили гораздо больше, чем мы ожидали. Драки и ссоры развели между собой вчерашних дру-

зей, между собой дамы также доводили отношения до крайностей, но их, в отличие от военнослужащих, нельзя было перевести в другой гарнизон, а решать проблему все-таки надо было. Партполитработа результатов не приносила, так как политработники первыми поделили между собой красавиц и жили с ними достаточно свободно. А у кого из офицеров, прапорщиков повернулся бы язык сказать что-нибудь против политработника, который в Афганистане приобрел большую власть, ибо многие офицеры и прапорщики были членами КПСС, руководили ими политработники и от позиции их зависело, получит ли офицер повышение, будет ли представлен к ордену и куда поедет по замене? Но в Афганистане служили и военнослужащие-холостяки, молодые офицеры и прапорщики, они всерьез строили отношения с молодыми девушками, которые нравились и офицерам постарше и повыше должностями – вот здесь и случались такие конфликты, которые и не снились в Союзе ни политработникам, ни нам, сотрудникам Особого отдела, которые получали негативную информацию о поведении отдельных военнослужащих и информировали об этом политорганы для проведения профилактических мероприятий и укрепления морального духа в армейской среде.

Политработники младшего звена, замполиты рот, батарей вместе с командирами взводов и рот участвовали в боевых действиях, своим примером укрепляя боевой дух бойцов, но замполиты батальонов, полков – это уже была элита, ко-

торая берегла себя, главным занятием ее был сбор негативной информации на командиров всех степеней, в том числе и на оперативных работников Особого отдела. Это создавало уже совсем другой оттенок политработы, с которым нельзя было мириться, ибо это заносило в какой-то 37-й год, где доносы и негатив ломали судьбы храбрых, но порой бесшабашных командиров, а на дворе был 1981 год.

С начальником политотдела Фёдоровым Виктором Сергеевичем, порядочным и щепетильным в вопросах этики офицером, мы много беседовали на эту тему, и Виктор Сергеевич жестко реагировал на факты злоупотреблений со стороны своих подчиненных, привлекая их самих к партийной ответственности, а это автоматом означало одно – понижение в должности и дальнейшие неприятности по службе.

Политработники пытались создавать негласный аппарат в ротах, батальонах для сбора информации о своих же командирах. А с учетом того, что в каждом батальоне был оперативный уполномоченный Особого отдела, который занимался негласной работой среди личного состава вверенного ему подразделения, скоро информация о незаконной деятельности политработников становилась достоянием руководства Особого отдела, а мы передавали ее начальнику политотдела дивизии. И хотя, надо честно сказать, таких горе-работничков от политорганов было не так уж много, вред они приносили как офицерам, так и нам. Почему нам, спросите вы – а потому что органы КГБ СССР были передовы-

ми боевыми подразделениями партии, которыми руководили в войсках те самые политработники. Не в прямом смысле, а в том, что мы состояли на учете в политотделах дивизий. Все нарушения партийной дисциплины рассматривали парткомиссии дивизий, начальник политотдела мог присутствовать на наших оперативных совещаниях, знал формы и методы нашей работы, а в Афганистане без него мы не решали почти ни одного вопроса укрепления дисциплины, перемещения военнослужащих в наших оперативных интересах, реализации оперативной информации. Вся оперативная информация представлялась на имя начальника политотдела дивизии, а не командира, для принятия по ней решения, и это было законом нашей работы. Начальник политотдела имел огромную политическую власть над личным составом дивизии, и его авторитет – это авторитет всех коммунистов дивизии.

Особенно много вреда принес офицерам 180-го полка замполит полка майор Козлобаев – фамилия, как по случаю, отвечала его внутренней сути. Командир полка подполковник Мичурин Владимир не знал, как усмирить этого стукача, так как ни один проступок военнослужащих полка не проходил без того, чтобы Козлобаев о нем не доложил – куда бы вы думали? Прямо в политуправление ТуркВО, откуда он прибыл в полк с должности помощника начальника политуправления по комсомольской работе. И у командования начинались проблемы, а Козлобаев набирал вес. Далее его аппетиты

стали распространяться и на моих оперработников, он так хотел заставить их давать ему информацию как на личный состав полка, так и – на кого бы вы думали? На командование дивизии. Ведь руководство дивизии каждый день бывало в полку, расположенном в Кабуле, а это был и повод побывать на рынках Кабула, прикупить что-нибудь для семьи, для детей и передать в Союз – тут Козлобаев все и записывал в свою черную тетрадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.